

Русская идентичность на постсоветском пространстве

Под редакцией С.Ю. Пантелеева

УДК 323. 1 (100 – 87) (= 161.1) (082)

ББК 66. 5

Р 89

Р 89 Русская идентичность на постсоветском пространстве /

Под ред. С.Ю. Пантелеева — М., ИнфоРос, 2008. — Кол-во стр. макета:

140 стр.

ISBN 978-5-903675-04-3

Книга не случайно определяет в качестве исходной точки для рассуждений о современной русской идентичности момент распада СССР. Именно это время стало временем «исхода», но не народа из государства, а государства от народа. В результате распада СССР более 25 млн. наших соотечественников оказались за пределами России. Русские в одночасье стали одним из самых крупных разделённых народов.

В сборник вошли статьи, написанные на основе материалов экспертного круглого стола Института Русского зарубежья "Современная русская идентичность в России и за рубежом", а также публикации авторов Информационно-аналитического портала "Россия и соотечественники" — RUSSKIE.ORG.

ISBN 978-5-903675-04-3

© Институт Русского зарубежья, 2008

© ИнфоРос, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
<i>Пантелеев С. Ю.</i>	
Русские в России и за рубежом: один народ, разные судьбы?...8	
<i>Петров М. В.</i>	
Русская община в Эстонии: выживание в неблагоприятных условиях.....	17
<i>Иванов В. И.</i>	
Россия и мы. Русский взгляд из Латвии.....	25
<i>Неменский О. Б.</i>	
Русский мир и Русская земля: территориальный аспект русской идентичности.....	32
<i>Проваторов С. Г., Шестаков В. Ф.</i>	
Русские и "русские" Украины: о проблемах русской самоидентификации.....	38
<i>Сокуров С. А.</i>	
Прорусское и пророссийское на Украине.....	51
<i>Барсенков А. С.</i>	
К вопросу о факторах формирования современной русской идентичности в России.....	61
<i>Намовир В. Б.</i>	
Трудно быть русским в Центральной Азии.....	66
<i>Шершнёв Л. И.</i>	
Русская идентичность: цивилизационное измерение.....	71
<i>Князев А. А.</i>	
Организационные проблемы русских общин в Центральной Азии.....	78
<i>Вговин А. И.</i>	
Русский вопрос и русское государство на современном этапе.....	83
<i>Дубовицкий В. В.</i>	
Национальная идентичность русской диаспоры как элемент сохранения исторической России.....	95

<i>Журавлев В.Е.</i>	
Православие как основа Русской цивилизации и идентичности.....	111
<i>Харитонова Н. И.</i>	
Русская идентичность - этническая или гражданская?.....	124
Об авторах.....	134

Введение

В начале 80-х годов прошедшего столетия тогдашний советский лидер произнес сакраментальную фразу «мы не знаем общества, в котором живем». Последовавшая затем «перестройка» советской системы обернулась запуском центрбежных политических процессов, положивших конец существованию СССР как единого государства. Пресловутый «национальный вопрос» стал важнейшим фактором того явления, которое уже в новом тысячелетии было обозначено как «величайшая геополитическая катастрофа XX века».

Русская составляющая этого вопроса в советской национальной политике занимала неоднозначное место. Несмотря на естественное доминирование в большинстве сфер жизни Советского Союза, русский народ, фактически, был исключен из специфически национальной проблематики как таковой. Пресловутая концепция «старшего брата» на деле оборачивалась тем, что русские выступали лишь «цементирующим элементом» многонационального «советского народа», теряя при этом свое собственное национальное лицо. Взрыв этического сепаратизма на излете существования СССР при, как минимум, индифферентном отношении к происходящему со сторону советских русских, в итоге определил судьбу единого государства.

Сегодня, к сожалению, во многом остаются актуальными слова, сказанные в начале 80-х гг. тогдашним советским лидером. Увы, мы все так же не знаем общества, в котором живем. Пережив «разруху в головах» 90-х годов, русское общество постепенно формирует новую систему ценностей, в которой устремленность к будущему должна быть гармонично соединена с тысячелетней отечественной традицией. Однако вряд ли эти поиски могут быть успешными без понимания того, что же собой представляет современное русское общество, без проведения серьезной экспертной, аналитической работы в этой сфере.

Современная Российская Федерация в своей национальной политике во многом наследует подходам, исповедовавшимся в советский период. Притом, что русские в РФ составляют подавляющее большинство - около 80%, русская проблематика никак не обозначена в законодательстве нашего государства, все еще не принята целостная концепция национальной политики, отвечающая современным условиям.

Существуют и общепризнанные в экспертных кругах проблемы, связанные с концептуальным обоснованием политики РФ по отношению к зарубежным соотечественникам. Закон 1999 г. «О соотечественниках, проживающих за рубежом» оказался «не работающим», а зафиксированное в нем определение «соотечественника» привело к тому, что вот уже почти десятилетие ведутся ожесточенные дискуссии о том, кто же такой «российский соотечественник». Хотя любые теоретические измышления не могут скрыть того факта, что основной, наиболее многочисленной и искренне связанной с Россией и ее народом частью этой все еще размытой категории являются те 25 миллионов русских людей, которые не по своей воле после распада СССР оказались за пределами России.

28 февраля в Москве состоялся экспертный Круглый стол «Современная русская идентичность в России и за рубежом», организованный Институтом Русского зарубежья. Принявшие участие в его работе эксперты из России, Эстонии, Украины, Казахстана, Киргизии и Таджикистана обсудили широкий круг проблем, связанный с современным состоянием русского самосознания на пространстве бывшего СССР. Что собой представляет современная русская идентичность в России и других постсоветских государствах? Что различает русских, живущих по ту, и эту сторону границ современной Российской Федерации, и что их объединяет? Как происходит процесс самоорганизации русских общин в условиях становления новых независимых государств? Можно ли говорить о существовании «русской диаспоры» в этих новых государственных образованиях? Что ожидают зарубежные русские от России и как Россия отвечает на эти ожидания? Вот лишь некоторые вопросы, на которые пытались найти ответ участники мероприятия.

Продолжая экспертную дискуссию на заданную тему, Институт Русского зарубежья представляет читателям настоящий сборник, в который вошли статьи, написанные на основе материалов февральского круглого стола, а также публикации авторов Информационно-аналитического портала «Россия и соотечественники» - RUSSKIE.ORG.

Институт Русского зарубежья

Русские в России и за рубежом: один народ, разные судьбы?

Мы не случайно определяем в качестве исходной точки для наших рассуждений о современной русской идентичности момент распада СССР. Именно это время стало временем «исхода», но не народа из государства, а государства от народа. В результате распада СССР более 25 млн. наших соотечественников оказались за пределами России. Русские в одночасье стали одним из самых крупных разделённых народов.

Мы, увы, уже привыкли к фразе, которая звучит как некий протокольный стандарт: «В результате распада СССР более 25 млн. наших соотечественников оказались за пределами России». И уже, наверное, мало кто помнит, откуда взялась эта цифра. А возникла она на основании последней всесоюзной переписи населения, состоявшейся накануне распада СССР в 1989 году. Согласно ей, в Советском Союзе проживало 145 155 489 русских, составлявших 50,8 % населения государства. В РСФСР же было зафиксировано 119 865 946 русских, или 81,5 % общего национального состава республики¹. За вычетом из общесоюзной цифры количества русских из количества, оставшегося в России, и получаются эти самые более 25 млн. людей, которые накануне распада СССР в ходе переписи определили себя русскими.

Таким образом, если мы в этом контексте и говорим о «соотечественниках», то корректнее было бы говорить не о российских соотечественниках, а о русских соотечественниках, поскольку именно таким образом себя определили эти самые более 25 млн. человек.

Понятно, что это далеко не значит, что все эти люди являются русскими «по крови». И сегодня, когда нас спрашивают, почему мы поднимаем русскую тему, не скрывается ли за этим, не дай Бог, национализм, а то, что и пострашнее, я однозначно

---

¹ Всесоюзная перепись населения 1989 г. Национальный состав населения по республикам СССР // http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php.

говору — нет! При всей важности собственно этнического элемента русскость им далеко не исчерпывается. И важнейшим, определяющим в этом вопросе является самосознание, сомоопределение, причастность русской культуре, русской традиции, русской истории, российской государственности. Русские всегда были открытым народом, принимающим в свои ряды тех, кто готов был разделить с ним его ценности, и такие люди часто становились подлинно русскими, гордостью России. Также мы знаем и обратные примеры, когда «природные русаки» являли примеры отступничества от своих корней, превращаясь в «новых янычар».

Итак, русский народ был разделён границами новых государств. С этого момента жизнь этих 15 частей стала развиваться в различных социальных, политических, культурных, языковых и даже цивилизационных условиях.

В России, несмотря на глубочайший системный кризис 1990-х годов, русские имели одно преимущество — были на собственной земле, составляя около 80 % населения «новой» России. Хотя РФ стала одной из самых этнически однородных стран постсоветского пространства, она оказалась единственной, на ставшей строить свою государственность по этническому принципу. Более того, в 1990-е годы русская тема считалась неполицорректной, в стране задавал «моду» национальный нигилизм. Либеральные реформаторы открыто заявляли о необходимости «изменить русский цивилизационный код», считая его несовместимым с рыночной экономикой и капитализмом.

С приходом Путина к власти постепенно произошло укрепление государственности и одновременно русская тема стала выходить из маргинального состояния. Сегодня никого не удивляет, что правящая партия реализует «Русский проект», один из ближайших соратников Президента читает лекции о «русской политической культуре», ведутся публичные дискуссии о «русском вопросе» и Указом Президента создается Фонд с названием «Русский мир». Для русских характерно «вождистское» сознание — многие успехи и новые надежды мы связываем с личностью Президента Путина. Есть и обратная сторона: именно этот лидер был востребован народом в конце 1990-х

годов.

Русские пережили кризис 1990-х, приспособились к новым капиталистическим условиям, точнее — приспособили капитализм «под себя», стали более прагматичными. Претерпела определённую коррекцию «государственноцентричная» составляющая русской идентичности — современные русские более сдержанно относятся к собственному государству, часто ему не доверяют, но при этом, не желая повторения «бардака» 1990-х гг., осознают его важность как устойчивой системы и склонны, скорее, к партнёрским отношениям с собственным государством, что является, если угодно, свидетельством становления русского гражданского общества.

За минувшие годы существенно возросла роль Православной церкви, единственного института, связывающего современное русское общество с тысячелетней русской традицией, и это также сыграло определяющую системообразующую роль в формировании современной русской идентичности.

Сегодня наблюдается возрождение русского самосознания. Но нельзя говорить о том, что этот процесс идёт безболезненно и беспроблемно. Очевидно, что искусственные разрывы русского исторического пространства, попытки начинать историю Отечества то с 1917, то с 1991 года, отрицательно сказываются в целом на русской идентичности. Сегодня для среднестатистического гражданина России XIX век — седая древность, тысячелетняя русская история воспринимается в лучшем случае через лубочные картинки, которые, к тому же, в последнее время стали тиражироваться отечественным кинематографом, лишь усугубляя разруху в головах. Хотя именно кино должно стать инструментом, призванным помочь государству и обществу вернуться к незамутнённому, патристическому восприятию нашей великой истории, переполненной страницами русского мужества, героизма, русской доблести и славы.

Многие стороны нашей интеллектуальной жизни всё ещё находятся в русле постмодернизма, играющегося со смыслами и ценностями, которые для народа вовсе не являются предметами «игры». Это отражается как в искусстве, так и в концептуальных подходах к таким важнейшим направлениям как национальная политика и политика по отношению к зарубежным

соотечественникам. Специалисты знают, как возникла концепция «Русского мира» — в формулировке отцов-основателей из экспертных кругов она обладала характерными чертами посмодернистского симулякра². И вовсе не случайно чрезмерное, я бы сказал — гипертрофированное, значение имеет лингвистический фактор, фактор русскоязычия, в ущерб русской традиции и русской истории. Впрочем, сама формулировка, словосочетание здесь настолько удачны, что при наполнении должным содержанием концепция имеет все шансы выйти из виртуального состояния.

Оговорюсь, что нынешние постмодернистские игры, по большому счёту, не имеют никакого отношения к традиции русской мысли, которая, как отмечал наш выдающийся философ Иван Ильин, является целостной и предметной.

Продолжая рассуждать о проблемах современной русской идентичности, стоит отметить, что в настоящее время у русских, живущих в России, всё в большей степени происходит сужение понимания понятия «Родина». И если для старшего поколения Родина всё ещё помещается в границы СССР, то для более молодого поколения ею преимущественно является нынешняя Российская Федерация. При этом присутствует рефлексия и молодых русских по отношению к советскому прошлому, причём окрашенная в ностальгические тона, но это — тема отдельного разговора. «Своим» же государством, Родиной, всё больше воспринимается Россия в нынешних границах, и обратной стороной этого является всё большее отдаление от бывших союзных республик, в том числе — и, увы, от живущих там русских.

Наиболее отчётливо это видно на примере восприятия современными русскими, живущими в России, процессов, происходящих на Украине. И этот пример, на мой взгляд, в значительной степени характеризует и подобные же процессы по отношению к другим постсоветским государствам. Как известно в дореволюционной России считалось, что русские предста-

---

2 См.: Щедровицкий П. Русский мир и транснациональное русское // <http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/2000-2003/rustrans/>; Пантелеев С. "Русский мир" как сетевая структура: теория и практика // <http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=11448>

вляют собой триединый народ, состоящий из великороссов, малороссов и белорусов. Этот традиционалистский подход до сих пор актуален как для Русской православной церкви, так и для значительного числа людей, представляющих эти три истинно братских народа. Между тем, социологические исследования постоянно свидетельствуют об ухудшении отношения между русскими и украинцами³. Слава Богу, это не относится к белорусам, хотя здесь тоже не всё так бесконфликтно.

Начать с того, что существование, пусть и прозрачной, но всё же — государственной границы между Россией и Украиной естественным образом оборачивается «регионализацией» восприятия друг друга гражданами двух государств. Так, для значительного числа российских русских любой выходец с Украины уже является «украинцем». Возможно, это объективный процесс, точно так же, как любого гражданина России вне зависимости от национальности на Западе называют «русским», но в нашем контексте это свидетельствует о существенном искажении восприятия российскими русскими реальной картины происходящего на Украине, а также, что особенно, на мой взгляд, тревожно — сужением восприятия границ собственно Русского мира.

Особо вопиющий пример этой тенденции я могу привести из собственного опыта. Однажды мне пришлось услышать от вполне образованной русской женщины, москвички, следующие слова: «А вам не страшно ехать в Крым? Это же Украина, там русских не любят!». Комментарии, естественно, здесь излишни. Но, к нашему прискорбию, подобная реакция отражает реалии обыденного сознания. Если уж такое можно услышать о Крыме то, что можно услышать о Риге или Бишкеке!

Но здесь есть ещё один важный момент, на который я хотел бы обратить внимание. Притом, что в России действительно происходит процесс возрождения русского национального сознания, многие процессы всё ещё рассматриваются через призму советского наследия. Это относится как к известным для специалистов проблемам в поиске оптимальной модели межнациональных отношений, так и к восприятию русскими своего

---

³ См: Сикевич З.В. Русские, украинцы, белорусы: вместе или врозь? // Социологическое исследование. 2007. №9. с. 59-69.

места в многонациональном российском социуме. Вероятно, вполне естественное подчёркивание российской многонациональности в СМИ, в публичной политике и т. д. при этом обращается убежденностью русских в том, что они являются в лучшем случае значительной частью, но не большинством в России. Попробуйте поговорить с вашими знакомыми, друзьями, не являющимися специалистами в этнополитике, задайте им простой вопрос — сколько русских в России? И вы в лучшем (!) случае услышите цифру 50 %. То есть, примерно столько, сколько было русских в СССР. Притом, что, ещё раз напомним, русские составляют 80 % многонационального российского общества, на долю остальных «свыше 160 национальностей» приходится около 19 %, а самый крупный после русских народ — татары, составляют менее 4 процентов. Такова специфика российской многонациональности. И, очевидно, что искусственное сужение на ментальном уровне доли русских в этнокультурной палитре России вряд ли можно признать нормальным.

Я остановился лишь на некоторых аспектах современной русской идентичности в России. Сама проблема, естественно, настолько широка и сложна, что не может быть раскрыта в рамках короткой статьи. Но здесь важно обозначить сам факт уже очевидного, пусть и медленного, со своими проблемами и рисками, но практически неоспоримого русского возрождения в России. Чтобы с этой позиции посмотреть на то, что происходит с представителями нашего народа в недавних, как говорили раньше — «братских республиках», являющихся ныне независимыми государствами.

Прежде всего, я должен констатировать, что мы очень мало знаем об этом. А то, что знаем, необходимо пропускать через мощные фильтры, чтобы отделить мифы, пропагандистские клише, вымыслы иного рода от правды. В настоящем сборнике читатель найдет статьи представителей русских общин, практически, из всех основных регионов постсоветского пространства. Они помогут нам разобраться в том, что же в действительности происходит с русскими, русской идентичностью в бывших советских республиках. Я же лишь весьма схематично и кратко обозначу проблему так, как она видится мне, как рос-

сийскому эксперту. И, конечно же, оговорюсь, что ситуация в каждой конкретной стране имеет свою специфику, и моё изложение будет именно схематичным и усредненным.

Русские в постсоветских республиках не готовы были стать диаспорой. Да и сам диаспоральный подход к данной проблеме представляется, по крайней мере, дискуссионным. Повторяю, что это не русские уехали из Родины, а Родина уехала от них. И свой новый статус — статус нацменьшинств (хотя часто эти меньшинства вполне были сопоставимы в количественном отношении с «титულным» этносом) русские здесь получили, преимущественно ощущая себя не столько русскими, сколько советскими, с приглушенным русским национальным сознанием. Это в дальнейшем, столкнувшись с реалиями этнократических режимов, русские не могли не ответить осознанием себя русскими, возрождением своего национального сознания, возрождением, носившим во многом оборонительный характер.

Для многих миллионов русских первой реакцией на распад СССР, сопровождавшегося вспышками агрессивного национализма со стороны «титулных», стало решение о возвращении в Россию. Однако опыт русской репатриации первой половины 1990-х годов оказался во многом трагичен. Погружённая в хаос гайдаровской «шоковой терапии», стоящая на грани гражданской войны, переживающая глубочайший мировоззренческий кризис, Россия ни идейно, ни материально не была готова к достойному приёму репатриантов. Для многих миллионов соотечественников Родина-мать обернулась злой мачехой, и этот факт оказал весьма негативное влияние на отношение русских «нового зарубежья» к России.

Естественно, большая часть осталась в новых суверенных государствах и встала перед выбором дальнейшей модели поведения. Собственно, выбор был невелик.

Часть стала пытаться самоорганизоваться в качестве собственно русского населения новых независимых государств, при этом долгое время абсолютно безуспешно надеясь на какую-то поддержку со стороны России. Со временем, когда эти надежды рассеялись, Россия многими продолжала восприниматься как некий символ, как, пусть, возможно, и не осуществляемая, но мечта о поддержке со стороны Родины. Судьба этих

людей различна: многие из них на свой страх и риск вернулись в Россию, часть всё ещё пытается отстаивать свою русскость путём общественной деятельности, часть ушла в «глухую оборону», пытаясь сохранить национальную идентичность хотя бы в пределах собственной семьи.

Большая часть оставшихся в новом зарубежье русских просто взяла курс на выживание, приспособление к новым условиям, часто путём отказа от собственных традиций... Со временем даже заговорили о феномене «других русских», которые интегрированы в сообщества стран проживания и уже не воспринимают Россию в качестве Родины. Некоторые из них, продолжая носить русские фамилии, становятся «новыми янычарами», пытаясь доказать, что они ещё большие латыши, эстонцы, украинцы, казахи и т. д., чем природные представители этих этносов.

На мой взгляд, процессы, происходящие сегодня с русскими в ближнем зарубежье, ставят под сомнение эффективность подходов, применявшихся Россией для работы с «соотечественниками за рубежом». От самого данного понятия — «зарубежный соотечественник», о котором всё ещё ведутся дискуссии, и, вероятно, никогда не перестанут вестись, ибо понятие весьма расширительное и не употребляемое в правоприменительной практике. До самого диаспорального подхода к работе с русскими в ближнем зарубежье, ибо за прошедшие 17 лет после распада СССР русские здесь всё ещё не превратились в диаспору. Многочисленные т. н. «русские организации» весьма немногочисленны, невлиятельны, неизвестны русскому населению, и преимущественно занимаются тем, что воюют друг с другом за ресурсы и влияние, доказывая, кто из них более русский, и кто более лоялен России (или, как вариант, - политрежиму страны проживания). Сами русские, безусловно, себя не осознают в качестве диаспоры. Несмотря ни на что, всё ещё сильны ожидания какой-то поддержки со стороны России.

Здесь необходимо ещё раз подчеркнуть, что русские как народ не имели серьезного исторического опыта жизни в «рассеянии». Абсолютизация опыта XX века, прежде всего — опыта первой волны эмиграции, не вполне корректна, поскольку «Белая эмиграция» ориентировалась на сохранение своей русскости до той

поры, пока существовала надежда на смену строя в России, и, соответственно, возвращения на Родину. Развеивание этих надежд привело либо к примирению с большевиками и к репатриации на капитулянтских условиях («Сменовеховцы»), либо к ассимиляции. Дальнейшие волны эмиграции уже не были ориентированы на сохранение своей национальной идентичности и были преимущественно ассимилированы.

Таким образом, для русских, живущих в зарубежье, важнейшим элементом национальной идентичности продолжает оставаться идея России, идея русского государства. Она, как минимум, столь же важна, как владение русским языком, приобщение к русской культуре, православию. И, пожалуй, когда мы говорим о феномене «русскоязычия», то именно восприятие России в качестве Родины, наличие высокой «мечты о России» отличает русского от русскоязычного. Но для того, чтобы Русский мир не продолжал сжиматься, самому российскому государству предстоит, наконец-то, начать соответствовать этой высокой мечте. Предстоит понять, что, несмотря на наличие границ, русские — это один народ, видящий Россию центром Русского мира.

Русская община в Эстонии: выживание в неблагоприятных условиях

Уникальный и любопытный феномен в истории Европейского союза представляет Русская община в Эстонии, возникшая внезапно, без объективных причин, материальной базы и ясных целей. Возникшие внутренние противоречия не могли быть сглажены естественным путём. Фактор внезапности на десятилетия определил судьбу общины.

Расслоение по линии гражданства произошло стремительно и привело к тому, что современная русская община в Эстонии состоит из иностранцев (граждане РФ и мнимые иностранцы, т.е. лица без гражданства, родившиеся или длительное время проживающие в Эстонии) и граждан Эстонской Республики (правоприемные и натурализованные). Образовались семьи, с двумя и даже тремя видами гражданского состояния.

Расслоение общины по экономической линии также носило стремительный характер. Русское население Эстонии, принужденное к натурализации, выданное в гражданство Российской Федерации либо застрявшее в состоянии безгражданства, не было допущено к разделу бывшей социалистической собственности. Русская община, расслоившаяся на очень бедное большинство и относительно богатых, в целом оказалась существенно беднее эстонской общины. На первом этапе содержание русского предпринимательства определялось его криминальными и полукриминальными корнями (рыночная торговля, посредничество, магазины, бары и сауны в подвальных помещениях, и т. п.).

Так называемое русское предпринимательство в Эстонии характеризуется негласным запретом на профсоюзную деятельность. Не допускается участие работников в профессиональных союзах и создание профсоюзных организаций на производстве. Русский предприниматель при наборе рабочей силы перестал руководствоваться профессиональными критериями и стоит перед постоянным выбором: взять на работу с мини-

мальной оплатой русского или высокооплачиваемого эстонца, который избавит его от хлопот с языковой и налоговой инспекциями.

По сравнению с другими национальными общинами (украинской, белорусской, еврейской) русская община не имеет централизованного представительства, она наименее структурирована, в ней преобладают «кружки по интересам». На каждые две-три тысячи членов общины приходится общественная организация, однако, добрая треть из них существует только номинально. Среди всех общественных организаций, принадлежащих к неэстонским национальным общинам, только одна — Центр информации по правам человека — занимается правозащитной деятельностью.

Одним из тяжелейших последствий фактора внезапности была утрата материальной базы для существования общинных структур — помещений, зданий, сооружений, сопутствующего предпринимательства. Показателен пример Русского драматического театра в Таллинне — коммерциализация репертуара, постоянное провоцирование внутренних конфликтов в труппе, сокращение труппы, частая смена директоров и художественных руководителей, изъятие производственных, репетиционных и складских помещений под видом реорганизации, и т. п.

Русские в Эстонии лишены собственной прессы и собственного информационного пространства. Русскоязычные газеты являются прессой для русских, ретранслирующей эстонскую ментальность. Дискуссия о проблемах русской и других национальных общин подменяется разъяснением эстонских законов, регулирующих отношения государства с иностранцами. Ретрансляцией эстонской ментальности и разъяснением законодательства в радиозэфире занимается единственный общественно-правовой. Остальные русскоязычные радиостанции работают в коммерческом формате. Радиовещание в целом характеризуется низким уровнем владения русским языком. Полностью отсутствуют местные телевизионные каналы, вещающие на русском языке. Всё это привело к тому, что в русской общине не дискутируется социальная и политическая проблематика.

Низкий уровень структурирования общины, гражданское и экономическое расслоение и постоянный законодательный гнёт обуславливают отсутствие единых политических и экономических целей. Образовавшиеся в середине 1990-х годов т. н. русские партии показали свою полную несостоятельность в вопросе защиты гражданских, политических и экономических интересов русской общины. Русская община практически не представлена в профсоюзном движении, что лишает ее возможности активно защищать свои экономические права.

Отрицательным был опыт двух политических общественных движений. Движение «Народное доверие» привело к фактическому расколу сразу двух «русских» партий — Объединенной народной и Русской, дроблению электората и в итоге к утрате парламентского представительства. Движение «Ночной дозор», появившееся для защиты памятника советским воинам-освободителям на холме Тынисмяги в Таллинне, позволило правительству спровоцировать массовые беспорядки, что привело к резкому ухудшению отношений между двумя общинами — русской и эстонской.

В связи с вступлением Эстонской Республики в ЕС и последующее присоединение к Шенгенскому договору о безвизовом пространстве произошло резкое ухудшение связей с Россией.

В меньшей степени это коснулось русских натурализованных в гражданстве Эстонской Республики и граждан Российской Федерации. В гораздо большей степени это коснулось лиц без гражданства, постоянно проживающих в Эстонии. В связи с вступлением в ЕС для них была отменена разрешительная запись в паспорте иностранца, позволявшая в течение года без визы свободно посещать Россию и изменены правила приглашения в Эстонию родственников из России.

В результате мы уже имеем поколение русских, большинство которых ни разу не было за свою жизнь в России.

Вот данные февральского 2008 года опроса населения Эстонии о проблемах демократии в России. Понятно, что вопрос о самоидентификации респондентов не ставился, а их отбор производился по формальному признаку — наличию или отсутствию гражданства Эстонской Республики. И все же данные

этого опроса позволяют судить о том, как русская община в Эстонии воспринимает современную Россию:

— 47 % жителей Эстонии, не имеющих гражданства, высокого уровня образования и среднего дохода считают, что Россия является демократической страной. Указание на низкий уровень дохода это прямое указание на то, что их связи с Россией затруднены. Трудно поехать самому, трудно пригласить родственников.

— 46 % опрошенных, для кого эстонский язык не является родным языком, считают, что Россия — демократическое государство.

— 25 % респондентов в возрасте от 15 до 34 лет выразили уверенность в том, что Россия является демократическим государством. Такого же мнения придерживаются 24% жителей Таллинна и 25 % людей с начальным или основным образованием.

— 21 % жителей Эстонии, не имеющих гражданства Эстонской Республики, в основном это русские, не считают Россию демократической страной. Это весьма тревожный сигнал, обусловленный, в первую очередь, отсутствием постоянных и прочных личных связей с Россией.

Русская община в Эстонии рассматривается обществом правоприемных граждан в качестве удобной для манипулирования денационализированной массы. В зависимости от политической необходимости русская община может быть представлена в качестве пятой колонны, угрозы территориальной целостности Эстонии, интеграционной модели, заложника, жертвы и т. д. В любой из этих ипостасей русская община используется в информационной войне против России.

В течение всего периода времени, прошедшего с момента восстановления государственной независимости риторика первых лиц государства в той или иной форме была направлена против России. Гражданская война 1918-1920 годов в Эстонии именуется Освободительной войной от России, события 1940 и 1944 годов оккупациями, легитимность Эстонской ССР отрицается.

Неэстонской части населения присваиваются оскорбительные политические ярлыки: незаконные мигранты, оккупанты,

колонисты, потомки оккупантов, новопоселенцы, инородцы, русскоязычные, и т. п. Неэстонцев обвиняют в нежелании интегрироваться в эстонское общество, изучать эстонский язык и культуру. Их подозревают в готовности ликвидировать независимость Эстонии и реставрировать СССР. Преувеличиваются такие черты национальные черты, как лень, глупость, пьянство, и т. д.

По отношению к инородцам и, в первую очередь, к русским действует политика сокращения этнического воспроизводства, характеризующаяся основными чертами хроноцида — изъятием прошлого с целью сокращения для русских настоящего и недопущения их в будущее. Именно таковы, в первую очередь, интеграционные и натурализационные процедуры, требующие от русских значительных временных и материальных затрат в обмен на призрачные льготы.

Государство создало и поддерживает систему институциональной сегрегации, закреплённую в специальных законах, регулирующих отношение государства с инородцами. Для контроля за инородцами создан специальный департамент миграции и гражданства, а также языковая инспекция, в правительстве имеется должность министра по делам фактически неэстонского населения. Для инородцев создана специальная русскоязычная пресса, есть даже планы по созданию на общественно-правовом телевидении специального русскоязычного телеканала.

Институциональная сегрегация действует в области дошкольного воспитания, школьного и высшего образования — отдельные детские сады, отдельное школьное обучение, отдельная высшая школа. Поскольку реальная интеграция русских начинается после окончания средней школы или получения высшего образования, то в возрасте 18 - 22 лет молодой человек вынужден интегрироваться практически с начального уровня. У него полностью отсутствуют личные и корпоративные связи в эстонском обществе, что обрекает его исключительно на работу по найму.

Владение государственным языком и профессиональное образование делает русского молодого человека опасным конкурентом для эстонцев. Он более уязвим на рынке труда —

неэстонцу сложнее найти работу по специальности и легче её потерять, чем эстонцу. словно не замечая сложившейся юридической практики, вновь назначенный канцлер права (омбудсмен) счел необходимым специально отметить равенство перед законом эстонцев и русских.

В 2000 году русской общине была навязана правительственная программа интеграции. Русских запугивали тем, что интеграционная программа якобы имеет своей целью ассимиляцию русских. Реально программа была направлена на то, чтобы максимально затормозить естественные интеграционные процессы. Государство никогда не ставило своей целью массовую ассимиляцию или интеграцию русских. Политика всегда была направлена на то, чтобы выдвинуть из Эстонии максимальное количество русских, создав им максимально тяжелые условия.

К 2007 году ситуация начала изменяться и стало понятно, что комфортные экономические условия для эстонцев напрямую зависят от количества русских рабочих рук, задействованных на малоквалифицированных и не престижных работах. Началась конкуренция между политикой вытеснения и политикой окончательного превращения русских в дешевую рабочую силу (домашних русских), владеющую государственным языком.

Интеграционная программа правительства выдвинула в качестве основного фактора риска появление в русскоязычной среде, не желающей интегрироваться и учить государственный язык, собственной элиты, способной вести диалог с государством. Основные усилия в рамках «реализации» интеграционной программы были направлены на борьбу с лидерами русской общины и предотвращение появления «русскоязычной элиты». Последовательно были разгромлены так называемые русские партии и дискредитированы реальные и потенциальные лидеры, что позволило к 2006 году заявить: отсутствие единства русских является заслугой государственных структур.

После «бронзовых беспорядков» 2007 года под контролем центристов была спешно сформирована марионеточная Палата представителей национальных меньшинств Эстонии, призванная проталкивать «правильные» интеграционные процессы.

Особо следует отметить, что общество правоприемных граждан Эстонской Республики фактически противостоит созданию гражданского общества в Эстонии и всячески тормозит возникновение вненациональных гражданских институций, которые могли бы контролировать признанные международным сообществом стандарты демократии.

Окончательное преодоление ксенофобии вообще и русофобии в частности, присущих обществу правоприемных граждан Эстонии, в обозримом будущем не представляется возможным. Ксенофобия как таковая является чертой национального характера, а русофобия является частью негативного наследия остзейских немцев.

Закреплению русофобии способствовали наиболее активные «просветители» эстонского народа — секта моравских братьев (гернгутеров), обосновавшаяся в Эстонии в конце XVIII века. Их идейными наследниками в современной политике являются реформисты, имеющие наиболее разветвлённые и прочные связи в структурах Европейского союза. Именно реформисты являются проводниками агрессивной русофобии, а не традиционные ксенофобы — исамаалийтовцы и республиканцы.

Проявления русофобии могут быть в значительной степени нейтрализованы вмешательством западных стран, но совсем не обязательно, что это серьёзно заинтересует их в ближайшее время. Отношения между Эстонией и Россией могут быть нормализованы при посредничестве третьих стран. Например, проблема эстонских претензий по оккупации и аннексии может быть снята окончательно, если к её решению будет привлечен третейский суд (посредник), чей авторитет и незаинтересованность суждений будут признаны обеими сторонами. Любопытно, что идея обсудить юридическую состоятельность Тартуского мирного договора в отношениях с современной Россией на уровне международных инстанций уже посетила горячие эстонские головы.

Преодоление институциональной сегрегации возможно начать с постепенных изменений в системе дошкольного воспитания и школьного образования. Необходимо введение единых детских дошкольных учреждений и единой школы для

граждан Эстонской Республики. Дети граждан Российской Федерации должны быть как можно быстрее выведены из-под «интеграционного» гнёта эстонской иноязычной школы (школы для русских). В соответствии с Конституцией РФ для них на основе межгосударственного договора должна быть учреждена система российских лицеев.

Эстонская Республика должна быть поставлена перед фактом, что на ней лежит юридическая, историческая и нравственная ответственность за тех, кто был натурализован в эстонском гражданстве или не был допущен в него (лица без гражданства, родившиеся или длительное время проживающие в стране). Напряженность в межгосударственных отношениях России и Эстонии понизится, если оба этих контингента будут выведены из сферы межгосударственных переговорных процессов.

Российская Федерация должна сосредоточиться не на соотечественниках вообще, но исключительно на российских гражданах, чьи права в полном объеме защищает Конституция РФ.

Для лиц без гражданства и лиц, натурализованных в гражданстве государств, возникших на постсоветском пространстве, должна быть разработана специальная программа, учитывающая поддержание личных связей с Россией, сохранение и развитие русского языка, поощрение и экономическое стимулирование общинного пути развития.

Россия и мы. Русский взгляд из Латвии

Перемелется — мука будет. Все будет хорошо. Или плохо. Главное — будет. И вопрос лишь в том, что мы выбираем — быть или не быть? Гамлетовский вопрос витязя на распутье... Налево пойдешь — космополитом станешь. Направо пойдешь — недолатышом. Прямо пойдешь ... Что там — прямо? Государственная граница.

— Стой, кто идет?

— Стой, стрелять бугу!

Распалась связь времен. Сопричастность народу и государству. 15 лет назад¹ закончилась совместная **история**. Мы перешли в подраздел «Страны Балтии». Нас не касаются ни лучшие, ни худшие страницы современной истории России. Все опосредовано. Ничего — напрямую. Параллельные прямые в которой раз разошлись. Нас приподняли и переставили на европейскую, узкую, колею. Мы сопротивлялись. Объективные обстоятельства оказались сильнее. Пусть только на время. Время подтянулось... не оставив иного выхода, кроме как бежать по шпалам. Очень неудобное, на самом деле, занятие. На каждую наступать — семенить приходится, через одну — прыгать. Да и как ни прыгай — а куда рельсы-то идут? Куда?

«Помимо метафорических отсылок к общей истории, в обыденной речи содержатся указания и на другие, более материальные основания этнической общности. Часто как о носителях общерусского качества говорят о плоти, крови и генах. Однако при внимательном рассмотрении употребляемых в разговоре тропов такого рода оказывается, что русскостью кровь, гены или плоть наделяет именно опыт физической, телесной жизни в России, опыт российской жизни. Получается, что русскость — это органическое качество, нечто вроде «осадка», образующегося в результате «реакции» — проживания челове-

---

¹ Статья написана в 2005 г., незадолго до репатриации автора и всей его семьи из Латвии в Россию.

ком своей жизни в контексте российской истории»².

Вот именно из «контекста российской истории», из «опыта физической, телесной жизни в России, опыта российской жизни» мы и выпали. Выпали тогда, когда Латвия перестала быть неотъемлемой частью России. России, на территории которой был образован Советский Союз. Неотъемлемой частью которого была и Латвия. И мы с вами.

Сначала мы выпали из юридического поля. Мы стали жить по разным законам. По разным правилам игры. С разными правами на участие в этой «игре», с разным статусом. Потом мы выпали из экономики. Из политических процессов. Теперь мы все стремительнее выпадаем из культурного поля. И это не только разные языковые практики, даже с точки зрения русского языка. Это еще и выпадание из общекультурного контекста, выпадание из общероссийского, русского контекста вообще — от праздников до бытовых привычек, от образов до социально-бытовых проблем, от постоянно изменяющейся системы приоритетов. От отношения к внешнему миру, частью которого для нас вдруг стали, **внешней** частью стали — Россия и русские.

Надо признаться себе, что мы, русские зарубежья, давно уже не воспринимаем Россию и русских адекватно. Мы и любим и боимся страну и народ, которые давно уже стали иными, чем были та страна и тот народ, которые остались в нашей памяти. Мы отстали на 15 лет. На 15 лет перемен и кризисов. Многие из нас на самом деле уже не представляют толком, что там, на нашей большой Родине? Многие не имеют возможности элементарно достоверно, на собственном опыте, **сравнить** сегодняшнюю Россию с сегодняшней Латвией.

С 1990 - 1991 годов мы не сопричастны истории России. Но и этого мало, мы уже отделены от большой Родины не только Государственной границей со всеми вытекающими последствиями. Мы отделены от России и русских настойчиво введенным в употребление лукавым термином «русскоязычные».

Таким образом, для России и русского народа мы стали дважды чужими: как не причастные с определенного момента к

---

² Рис Нэнси. Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки // Новое литературное обозрение. М. 2005. С. 64.

российской истории; как «русскоязычные», а не русские.

И то и другое есть воздействие независящих от нас обстоятельств. Мы, что нам обычно не свойственно, стали не субъектом, а объектом истории, что всегда было свойственно латышам, например. И это единственное, что нас с латышами уравнило в этой жизни. Они были, а мы с определенного момента стали быть **объектом** истории, а не творящим ее субъектом. В то же самое время, каковыми бы ни были силы, влияющие извне на Россию и русский народ — они так и не смогли лишить их статуса **субъекта истории**.

Латвия, латыши, а вместе с ними и русские Латвии (в условиях разделенности с русским народом и непричастности прямой к контексту современной российской истории) субъектом истории никогда не были и не будут. А зачисление нас (пусть и **вне** нашей воли) в класс «русскоязычных» лишь четче обозначило **тенденцию**.

Кто виноват — известно. Объективные обстоятельства (в большей степени) и мы сами (пусть и в меньшей степени). Как не сумевшие сохранить свою сопричастность российской истории. Это утверждение естественным образом не касается постоянно проживающих в Латвии граждан Российской Федерации. Хотя необходимо отметить тот факт, что и их принадлежность к российскому историческому контексту выражена, увы, слишком вяло и маловразумительно. Но у этой группы русских по крайней мере **есть потенциал** увеличения своей вовлеченности в политическую, экономическую и культурную жизнь России.

Опыт прошедших полутора десятков лет ясно показал — прямое влияние на общественно-политическую и культурную жизнь России русских, постоянно проживающих на постсоветском пространстве и не имеющих российского гражданства — фактически является **нулевым**. Несмотря на то, что русских этих более 20 млн.

Куда более сильными являются влияние на новейшую российскую историю и сопричастность к ней тех регионов, где российских граждан значительное количество — это Приднестровье, Южная Осетия и Абхазия. Более того, у этих «неприз-

нанных республик» и у их населения (вовсе не обязательно русского причем!) есть вектор **будущего**, который прямо сопряжен с будущим России. Хотя удельный вес, если так можно выразиться, оставшихся 20 млн русских зарубежья (всего их около 25 млн) многократно превышает численность населения всех непризнанных республик. Но тем не менее остается неиспользованным и стремительно **тающим** ресурсом. Причем не только потенциальным ресурсом России и русского народа, но и **нашим**, русских, вычеркнутых из сопричастности современной российской истории, **ресурсом**. Возможностью нашего **возвращения** в **субъекты** мировой истории из **объектов** ее воздействия. Но возможность эта **осуществима** сегодня и всегда (!) лишь только через возвращение в лоно России — либо путем прямой репатриации и воздействия на российскую историю **изнутри**, либо путем принятия российского гражданства и проведения **значимой** для общероссийского контекста организованной политики на местах постоянного проживания за пределами Российской Федерации.

Остальное — пребывание в виде неприсоединившейся, неопрделелившейся диаспоры - так или иначе ведет к политической и культурной изоляции, ассимиляции и **исчезновению** в качестве части русского народа. Весь многолетний опыт всех волн русской эмиграции явственно об этом свидетельствует.

До определенного времени особый, исключительный в мировой практике, статус **неграждан** Латвии и Эстонии позволял русским этих постсоветских республик сохранять свой потенциал и в определенной степени воздействовать на исторические процессы в России и быть отчасти вовлеченным в общий русский исторический контекст. Но **основой** этой сопричастности **неграждан** - России и русскому народу всегда была **возможность** для этой и только этой категории русских зарубежья **логичным** путем получить **гражданство РФ** в сокращенные сроки.

Точно так же и упорное нежелание 700 тыс. русских неграждан Латвии и Эстонии натурализоваться было основано именно на нежелании терять статусную **возможность** получения на льготных условиях российского гражданства и, при необходи-

мости, репатриации на большую Родину.

Уникальный статус и, соответственно, уникальное по удельному весу в Прибалтике количество русских могли дать неожиданный, исторически нетрадиционный результат: впервые в мировой истории могло быть создано некое особое сообщество русских, не являющихся непосредственно гражданами России, но **влияющее** на современную российскую историю и существующее в особом самодостаточном статусе **организованных русских зарубежья**. Русских пророссийских, но участвующих в особом европейском **государствообразующем русском** проекте. (Аналогом здесь может быть лишь, отчасти, Приднестровье. Но только отчасти, поскольку, как и в Южной Осетии, и в Абхазии, в Приднестровье этническая русская составляющая сильно размыта.) Понятно, что речь идет о гипотетической автономизации русских областей Прибалтики и их возможном объединении вне республиканских границ, несмотря на разорванность, скажем так, Даугавпилса и Нарвы. Особо оговорюсь, что названный проект совершенно гипотетический и мог быть осуществлен только в результате скоординированной деятельности русских общин Латвии и Эстонии при непосредственном заинтересованном участии России и то лишь в период последних двух «перестроек» прибалтийского государственного пространства — либо в 1991 году, либо в 2004-м, в период, предшествующий вступлению названных постсоветских республик в ЕС и НАТО.

Понятно, что отсутствие возможностей для пропаганды организации подобного проекта, отсутствие сильной политической воли в постперестроечной ельцинской России и коллаборационистская подрывная деятельность русскоязычных политических партий как Латвии, так и Эстонии, вкупе со спешным выстраиванием этнократическими режимами этих стран при полной поддержке Запада репрессивной антирусской составляющей — все вместе, сделали подобный проект неосуществимым. Соответственно, мы и рассматриваем его сегодня лишь в качестве одной из исторических возможностей, оставшихся в прошлом.

Что же мы имеем в «сухом остатке»? Почему замолчали все политические партии «русскоязычных»? Почему в обществен-

но-политической жизни Прибалтики настало такое затишье? Почему все сильнее давление и репрессии со стороны националистических режимов? Почему с каждым днем все усиливается антироссийская и антирусская истерия?

Пройден очередной узловой момент, очередная «точка бифуркации». Возможности отвлекающих маневров, позволяющих отвлечь население от экономических проблем, практически исчерпаны. Русские, не имеющие своего представительства в политике, понявшие наконец, пусть и с заметным опозданием, что «русскоязычные» партии являлись лишь частью отвлекающих маневров общеевропейской системы безопасного расширения ЕС и НАТО, русские выбили последние козыри у властей Латвии и Эстонии своим подчеркнутым равнодушием к попыткам создать из них «дымовую завесу» для прикрытия уже наступившего экономического и политического кризиса. Кризиса неминуемого и обусловленного «посттравматической реакцией» Восточной Европы после уже **второй** в течение 15 лет кардинальной перекройки географического, политического, экономического и, главное, военно-стратегического пространства.

Неграждане уже никому не нужны и неинтересны. Наступил момент жесткого и окончательного на данный исторический период **определения**. И как всегда, это определение для Прибалтики может быть только одно: по оси Восток-Запад, католицизм и Православие, Россия и ЕС.

Если быть более точным, то смерть Папы может превратить извечное историческое противостояние уже по более жесткому критерию Православие и антихристианская Европа. И за Европейским Союзом все более просматривается роль Великобритании и аглосаксонской составляющей мировой политики. Передел уже внутреннего пространства ЕС становится явью сегодня. И тем значимее будет роль Восточной Европы в этом процессе.

Никакие этические христианские, космополитически-демократически-правовые стандарты, пусть даже «двойные», скоро не будут действенны в этом новом мире. Судьба неграждан Латвии и Эстонии, судьба русских на территории ЕС тем более уже никому неинтересна. России, которая тоже **определяется**

как с внешней, так и с внутренней политикой, неграждане тоже становятся не нужны в качестве аргумента в переговорах с ЕС и НАТО. Этот аргумент себя исчерпал, порох отсырел и так и не загорелся. Во многом по вине самой России, но это уже дело прошлое и сожалеть о том бессмысленно.

Неприсоединившееся, неопределившееся «болото» «русскоязычных» неграждан уже не нужно никому. России теперь нужны определившиеся **русские**, определившиеся российские граждане и репатрианты. ЕС нужны безвольные космополиты - либо помогающие вести войну против России с использованием «русского фактора», преданного пресловутым «западным демократическим ценностям», либо занятые своим чисто физическим выживанием и не мешающиеся под ногами.

Насколько Россия в состоянии **сама** в новых условиях **использовать** на этот раз остатки русского резерва — зависит он нее. И от **нашего**, вместе с тем, желания, чтобы Россия этот наш, последний, ресурс использовала. Европа же нас по головке гладить не будет, перемелет на кормовую муку и выплюнет.

А мы, хотим или не хотим, должны понять, что только **сопричастность** современной российской истории сохранит нас русскими. Какой бы она, сегодняшняя Россия, ни была. У русского другого пути, кроме как **вместе** с Россией пройти ее исторический путь — **нет**. Вместе с тем, никто и не заставляет нас оставаться русскими вместе с Россией.

Но оставаться русскими **вне** причастности к судьбе России и судьбе русского народа **далее невозможно**.

Русский мир и Русская земля: территориальный аспект русской идентичности

Становление российской политики в отношении «соотечественников за рубежом» идёт медленно и с трудом, но для этого есть ряд вполне объективных причин. У России никогда прежде не было позитивного опыта в этой сфере. Для XIX века такой вопрос по большому счёту и не стоял, а в XX веке в бывших согражданах за рубежом видели оппонентов или даже врагов. Кроме того, впервые за довольно долгое время сложилась ситуация, при которой русский народ, не меняя мест своего традиционного проживания, оказался разделён всё более заметными политическими границами. Проблемой остаётся и идентичность самой российской государственности, определения стратегического видения её будущего. А ведь это — определяющий момент для всей системы отношений с диаспорой. Несомненно, со всем этим связана и путаница в определении содержания термина «соотечественники за рубежом».

Предметом данной публикации является политика России по отношению к собственно русской диаспоре. И здесь мы сталкиваемся с терминологическими трудностями, ведь никаких юридических или просто лексических средств по выделению именно русских среди общей массы тех, на кого распространяется понятие «соотечественники за рубежом», нет. Это можно сказать и про формулировки закона 1999 года («О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»), и про их уточнение в «Концепции поддержки Российской Федерацией соотечественников за рубежом на современном этапе», принятой президентом в 2001 году. На деле же за границами России развёртывается всё более заметный процесс консолидации русских общин, в отношении которых трудно и неправильно проводить одну и ту же политику, что и в отношении, например, организаций Всемирного конгресса татар.

Актуальность перемен в этой области подчеркнули события в Эстонии весной 2007 года — они показали, что создание системы взаимоотношений с русскими и русскоязычными гражданами других государств — это не только моральный, но и политический долг России перед международным сообществом. При этом с политикой в отношении русских общественных организаций проблем ещё больше, чем в отношении тех же татарских, ведь татары хотя бы имеют статус коренного народа России, а за русскими такого статуса нигде в нашем законодательстве не прописано. Более того, нет никаких формальных увязок Российской государственности с русским народом, ни в плане представительства его интересов, ни в плане включения в государственную систему органов его самоуправления. Есть только фиксация в Конституции русского языка в качестве государственного. При этом становится всё более ясно, что России необходимо выработать юридические и лексические понятия, которые позволили бы ей проводить особую политику в отношении русскоязычных жителей соседних и отдалённых стран.

Основная проблема здесь — введённое в наше сознание ещё Конституцией 1936 года и господствующее у нас по сей день (не де-юре, но де-факто) советское понимание национальной принадлежности. Оно основано на социо-биологических понятиях идентичности, и потому провоцирует во многом искусственную путаницу в определении и различении «этнических русских» и «русскоязычных». В этом плане большой победой, на мой взгляд, стало введение в 2007 году не в законодательство, но в официальный российский лексикон, такого понятия как **«Русский мир»**. Указом Президента России был даже учреждён получающий государственное финансирование фонд с таким наименованием. Показательно, что в документе по идеологии этого фонда есть следующая фраза: «формируя «Русский мир» как глобальный проект, Россия обретает новую идентичность». Примечательно также, что этот документ начинается со слов «Русский мир» — это не только русские». Введение этого понятия в официальное употребление — принципиально важный момент во всей политике России в отношении соотечественников за рубежом. Оно впервые в нашей практи-

ке объединяет людей не по социобиологическому, а по культурно-языковому критерию. Благодаря ему преодолевается прежняя путаница с различием этнических русских и русскоговорящих, преодолевается и биологизаторский подход к определению русской идентичности жителей по крайней мере зарубежных стран. Членами Русского мира признаются все, для кого русский язык является своим, что было подчёркнуто всей программой «Года русского языка», каковым и был объявлен 2007 год.

Однако понятие Русского мира, сколь бы революционным и необходимым оно бы ни было, не способно решить другой крайне сложной проблемы всей обозначенной сферы политики, а именно: **различение русских общин за рубежом, проживающих на своей исторической территории, и эмигрантских диаспор**, разделённых на различные «волны» и имеющих во многом иную идентичность. «Русский мир», определяемый как «глобальный», одновременно и принципиально внетерриториален. Между тем такое различение необходимо, так как проблемы у представителей Русского мира на Украине, в Белоруссии, Казахстане, некоторых областей в других бывших частях Российской Империи и Советского Союза, и проблемы у русских во Франции, США или ЮАР принципиально различны. Эти части Русского мира имеют совершенно разную структуру, совершенно разные запросы, совершенно разные понятия о своих национальных правах и интересах. Такого же различения они ждут и от России. Так, например, проблематика Гуманитарного съезда в Северодонецке на Украине просто немыслима для съезда русских организаций, например, Великобритании, даже если такой съезд там состоится. Различна сама идентичность русских в этих странах: русские эмигранты ориентированы на интеграцию в национальные сообщества новых стран проживания, и лишь на определённые формы сохранения связей с Россией и русской культурой. Русские на Украине себя эмигрантами не чувствуют, и с этим надо считаться. Различны и интересы России в деле взаимодействия с ними. Работа со столь различными частями Русского мира не может быть однотипной.

Возможно, наравне с понятием о Русском мире было бы полезно введение в официальный российский лексикон (я здесь не говорю о законодательстве) такого понятия как **«Русская земля»**, под которой могла бы пониматься **территория традиционного распространения русской культуры**. Это понятие свойственно всей нашей культуре, мы его усваиваем ещё в школе, читая русский эпос, русские сказки, произведения древней русской литературы, без этого понятия немыслима и вся великая русская литература XIX, да и XX века. Понятие о Русской земле — это ярко выраженное свойство русской идентичности, уходящее своими корнями в глубокую древность. По сей день оно принципиально важно для Русской Православной церкви, являясь обозначением её традиционной канонической территории. И именно оно может позволить нам различать среди зарубежных представителей русской культуры в разных странах собственно русских автохтонов и русских эмигрантов.

Примечательно, что здесь может быть выгодно использован уже упомянутый факт отсутствия формальной увязки Российской государственности с русскими, с русским народом. Россия представляет интересы «многонационального российского народа» и имеет свою «Российскую землю», официальную российскую территорию. В этом плане введение понятия Русская земля никак не должно ассоциироваться с территориальными претензиями Российского государства. Многонациональная Россия вполне может признавать наличие зарубежных территорий традиционного проживания одного из народов, населяющих Россию. Кстати, стоит сказать и о том, что та же Украина, будучи национальным государством, допускает для обучения в школе одобренные министерством учебники и карты, в которых этнической территорией украинцев обозначены земли в соседних Словакии, Польши, Белоруссии и России. При этом в России указываются не только обширные территории в Южном Федеральном округе, но также и в Сибири и на Дальнем Востоке. При этом, ещё раз оговорюсь, речь здесь идёт не о введении понятия о Русской земле в законы России, но лишь о введении его в официальный лексикон, как это и было сделано с понятием «Русский мир». Во всяком случае, это гораздо более

реалистично, чем не раз выдвигаемые проекты официального признания русского народа «разделённой нацией», что бессмысленно без маловероятного сейчас изменения правового статуса русского народа в России.

Несомненно, однако же, что такое нововведение вызовет негативную реакцию у других стран, особенно у наших соседей. Для её предотвращения или, по крайней мере, смягчения, можно и нужно использовать лексические возможности других языков по различению «русского» и «российского». Надо настаивать на переводе этого выражения, например, на украинский язык прилагательным «руський», а никак не «російський», на польский язык как «Ziemia Ruska», а не «Ziemia Rosyjska», на французский как «La terre de Rus'», а не «La terre de Russie», на английский как «Rus' territory» (или же «Rusian territory»), по аналогии с внедряемым сейчас в английский язык словом «Belarusian»), а не «Russian territory», и т.д. Опять же, эта игра слов, пропагандируемая сейчас по всему миру в первую очередь украинской диаспорой и её историографической традицией, может здесь сослужить России хорошую службу, отведя её от лишних и напрасных упреков в экспансионизме.

Введение понятия о Русской земле имело бы огромное значение и для дальнейшей реанимации русской идентичности, причём как русских на Украине, в Белоруссии и Казахстане, так и русских в самой России. Ведь никуда не убежать от того факта, что русское самосознание отсылает нас ко временам единства Руси и к понятиям её территориальной полноты. Российская государственность с центром в Москве изначально строилась на основании идеологии «собирания русских земель». Определённое территориальное понимание русскости было свойственно всей её истории и сопутствовало всему пути развития русского национального сознания до наших дней. Любой русский, наверное, хоть раз задавался вопросом, почему город — «Мать городов русских» является столицей соседнего и вроде как совсем не русского государства. Это важнейшая проблема русской идентичности в наши дни, тот слом, который обуславливает её кризис.

Возрождение официальной Россией понятия о Русской земле могло бы оказать большое позитивное влияние на нацио-

нальное самочувствие русского народа как внутри России, так и за её границами. Оно призвано обосновать факт распространения преобладающего влияния русской культуры далеко за пределами Российской Федерации. Оно же может дать идеологическую основу как для деятельности русских общественных и культурных организаций в областях традиционного распространения русской культуры, так и для работы с ними официальной России.

*Проваторов С. Г.,
Шестаков В. Ф.*

Русские и «русские» Украины: о проблемах русской самоидентификации

В труде «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтон писал: «1990-е годы увидели вспышку глобального кризиса идентичности. Почти везде, куда ни посмотри, люди спрашивали себя: «Кто мы такие?», «Откуда мы?» и «Кто не с нами?» В те же 1990-е, подобным вопросом: «Где я, кто я? Куда я, куда?», — мучил слушателей известный русский рок-музыкант Вячеслав Бутусов.

Россия и русские очередной раз попытались разобраться и объяснить себе — кто они есть. Но, к сожалению, в тот период русское самосознание не вскипело новыми идеями и лидерами, которые смогли бы консолидировать русский народ.

Наоборот, вскормленные советской властью национальные элиты увидели серьезные возможности для развития идей самодостаточности своих наций, после чего империя рухнула и во второй раз, и снова не без активного, как известно, вмешательства внешних врагов, перекрасившихся в друзей народов, объединенных в Российской Империи, а затем в СССР.

Но, наследие, оставшееся нашему народу со времен Великой Российской Империи, казалось бы, должно было усилить и развить имперские настроения, сохранившиеся в русской среде: на сопредельных территориях с уже «независимой» Россией оставались жить миллионы этнических русских. Чем не повод для ренессанса?

Однако произошло, да и сейчас происходит обратное: при серьезной и качественно-планомерной активизации местных «национал-культурных старателей», русские «ближнего зарубежья» стремительно «вымываются» и «отсеиваются», а после — дробятся и ликвидируются.

Русская нация постепенно исчезает из Русского Мира, русские становятся своеобразными «могиканами» Евразии.

Размываются метки самоидентификации, неясны критерии

оценки — «русский» - «не русский», неоднозначны идеологические обоснования. Особенно заметно это явление на фоне любви многих в России к интернационализму. Русская интеллектуальная элита во многообразии своем страдает похоже одной болезнью — интеллигентской склонностью играть в плюрализм и либерализм — каждый имеет свое особое мнение, даже по вопросам, казалось бы, однозначным. Эта «плюрализация» русской общественной мысли приводит к тому, что все годы, последовавшие за т. н. «перестройкой» и развалом СССР, ни в России, ни в Русском зарубежье так и не сформировалась интеллектуальная элита, которая бы могла сконцентрироваться пусть и не в единый, но хотя бы в несколько влиятельных центров.

Несомненно, есть личности — мыслители, писатели, ученые, публицисты, общественники. Но нет тех «могучих кучек», которые смогли бы, объединив усилия, повлиять на взрыв русского общественного самосознания, естественно — в позитивном ключе.

Русские интеллектуалы, равным образом, как и те, которые себя русскими называют, в основном остаются отдаленными от основной массы русского народа. И это не всегда происходит по причине давления со стороны государств. Часто причиной оторванности представителей возрождающейся элиты от масс своего народа являются некие атавизмы прежних эпох — русские всегда были склонны отдавать дело организации государству или отдельным его институтам. А русская интеллектуальная элита всегда была склонна себе оставлять самые приятные роли — пофилософствовать, позаниматься писательством и т. п., подразумевая, что «государство у нас правильное» (российское или советское), оно разберется, а «народ у нас мудрый», и хорошие идеи естественным путем возьмет на вооружение.

Вот и получается, что основной части представителей русской интеллектуальной элиты — причем мы говорим именно о тех, которые действительно болели и болеют за судьбу русского народа и Русского Мира — чаще оказывались чуждыми заботы о необходимости заниматься организацией русского народа для его самозащиты. Не тогда, когда уже враг у ворот, или в доме, а в смысле организации предупредительных действий.

В результате у русских сегодня нет ни четкого целеполагания, ни обобщенной, привязанной к современным условиям идеологии, ни разработанной методологии, ни общей информационной политики, а соответственно — нет эффективной пропаганды, не говоря уже о контрпропаганде, не задействованы важные факторы выживания нации — осознанная необходимость в самоорганизации и организованных действиях.

Это особенно характерно и трагично для государств-соседей современной России, где доля этнических русских в народонаселении до сих пор остается достаточно высокой — Казахстан и Украина.

Русские Украины логично должны были бы представлять из себя серьезный этно-политический элемент Русского Мира, базирующийся на крепком фундаменте исторических, духовно-православных, политических, социально-культурных, семейных традиций бытования на данных территориях.

Полтора десятка лет «украинской незалежности» демонстрируют катастрофические по скорости и последствиям признаки вымирания всего русского — от языка, проявлений культуры, включая разрушение материальных памятников, до сокращения численности русского населения, и не только как результат отказа от русской самоидентификации.

Русских Украины стали переделывать в «украинских русских». Причем немаловажным в этом процессе стало и отношение значительной части российской элиты — и интеллектуальной, и политической, и других ее составляющих. Для россиян — почему-то все, живущие на Украине, стали именоваться «украинцами». Без дифференциации. Что за этим логично должно последовать? А то, что рано или поздно из понятия «украинские русские» будет исключено второе слово, и останется одно — «украинские», то есть — «украинцы». Разве это не результат желаемый для украинизаторов Русской Земли? Разве это не цель евро-американских интеграторов?

Особо печально осознавать, что до настоящего времени такой поворот событий осознанно или неосознанно, но провоцируется и со стороны российских политиков и СМИ. Слова «украинский», «украинцы», «украинское» — применяются ко всему, что территориально находится в границах государства

Украина. Здесь — «украинский народ», а не народ Украины (многонациональный), здесь не русские писатели, и даже не русскоязычные писатели Украины, а непременно «украинские писатели, пишущие на русском языке»... Дело доходит до того, что у нас «действуют украинские организации российских соотечественников»... И примеров можно приводить десятки и сотни. Мы живем в активно украинизируемом пространстве, и, к нашему ужасу, немалую роль в продолжении этого процесса играет и отсутствие должного понимания значения слов и символов у значительной части россиян, в среде русских и на Украине, и в России.

Почему все это происходит? Причин много. Русское (как национальное) самосознание значительно, почти до полного уничтожения нивелировалось в коммунистический период, и к 1991 г. русская самоидентификация вышла на уровень малых народов Севера и конкурса «Играй, гармонь!» Сформировавшаяся русской национальной элиты по-прежнему не наблюдается и в самой России, не говоря об Украине. А то, что есть, пытаются подменить не совсем логичными терминами «русскоязычные», «русско-культурные» и т. п.

Либерально-космополитический период правления Б. Ельцина, со всеми кошмарными последствиями для внешней политики РФ в «ближнем зарубежье», способствовал еще большему сокращению русского национального самосознания, и даже разочарованию в собственной национальной принадлежности. При этом русские столкнулись с мощным феноменальным развитием агрессивного этно-проекта «самостийная Украина», получившим новую и очередную путевку в жизнь уже не только от местных политиков, захотевших стать властителями, свободными от «злокозненного влияния Москвы», но и от московских политиков, почему-то вдруг захотевших освободиться от значительной части Русской Земли — в нынешних границах государств Украина, Беларусь, в Прибалтике и т. п.

На Украине пассивная русскость, замордованная большевистским построением «единого советского народа», встретила с гиперактивным и прозелитирующим украинством, поддерживаемым западными демократиями, опять-таки с целью ослабления российского влияния в мире, разрушения ценно-

стей Русского Мира, ликвидации канонического Православия.

Необходимо понимать, что украинство — не столько сообщество «свидомых украинцев», сколько комплекс идей и ментальных привычек, своего рода религия сектантского толка. В нем отчетливо выделяется главная задача — утверждение обособленности, отличности от русских, упрямый акцент на этнокультурные отличия, осознанное замыкание именно на этнической, народной культуре, в ущерб общерусской, восточнославянской православной ориентации, стремление к построению «национальной церкви», как носителя «национальной религии». Там, где идет речь об обособленной украинской культуре — можно говорить и о заражении болезнью «украинства» сегментов Русского Движения. А ведь давно не секрет, что многие русские лидеры, многие организации продолжают публично рассуждать о «вечной дружбе» двух братских народов, о «взаимодополняемости двух братских культур» и т.п., таким образом вычленяя «украинское» из общерусского, легализуя все те идеи, которые развивались на протяжении последних двухсот лет с целью развала Русского Мира. И более того, сегодня в «русско-культурной среде» все чаще рядом с «почитанием русского» проявляется увлечение поклонением украинскому, как одной из «естественных форм проявления общерусского духа и общей культуры». Некоторые наши соотечественники буквально захлебываются от восторга, когда видят или слышат, например, о переводе произведений Пушкина на украинский язык. И более того — они участвуют в этих актах популяризации украинства, на эту популяризацию продолжают расходовать российские ресурсы...

Там, где осознаны и возводятся в ранг общих ценностей («русская и украинская культура — общее достояние наших народов» и т.п.) этнокультурные отличия, можно говорить об украинстве, как о болезни русско-культурного сообщества. И эта болезнь, характеризуемая высокой степенью толерантности «украинских русских», продолжает разлагать русское национальное сообщество Украины.

Общеизвестно, что украинство было создано и приобрело развитие именно как антирусский и антироссийский проект. Его творцами были не какие-то там «украинцы», невесть отку-

да взявшиеся, а политические элиты Польши, Австро-Венгрии, Германии. Впоследствии этот проект, в различных его проявлениях и формах, поддерживали и продолжают поддерживать многие государства Запада, конкурирующие с Россией. При этом «попытки построения украинской государственности», о которых часто говорят сами украинцы, это жалкие попытки самостийничества в 1917 - 1918 годах и опереточная УНР в 1941 году и не более того. И все это могло реализоваться только в период новейшей истории в моменты жестоких антироссийских агрессий со стороны Запада.

Культурные «традиции» — кроме шаровар, взятых у народов Востока — чаще сводятся к набору фальсификаций в области фольклористики (по признанию Н. Костомарова — сочинение украинофилами XIX века «народных» песен, сказок и преданий), истории (Грушевский и другие, менее заметные фантазеры), и рефлексий на темы «национально-освободительной» мазеповской, петлюровской, бандеровской эпопеи...

Убогость этих «традиций» прекрасно осознается самими *свидомыми украинцами* для чего и компенсируется ими сегодня на уровне развития мифов — политических и исторических. Но, к сожалению, усиленные наличием государственного аппарата, сегодня мифы превращаются в основу украинского государственного патриотизма, в основу реальной жизни украинства.

И сейчас уже нецелесообразно говорить о «двух родственных ветвях русского народа — украинцах и великороссах», потому, что большая часть малороссов, новороссов, карпатороссов самоопределились как «украинцы», идентифицировали себя представителями отдельного этноса. И чтобы их вернуть в лоно Русского Мира, и сделать их хозяевами на своей исконно Русской Земле, их нужно разъединить, отлучить от украинства, вернув их национальное достоинство и понимание значимости своей национальной культуры.

И действительно, миллионы граждан Украины, среди которых миллионы русских и русско-культурных, считают себя патриотами Украины — и тем самым, хотя бы они этого или нет, они втянуты в тот же антирусский проект. И многие из них уже привычно называют себя «украинцами», все чаще забывая, что

они еще и русские, и все реже употребляя по отношению к себе слово «русский», «русские».

Тысячи русских детей в украинских школах методично получают на уроках инъекцию от русскости. И не только на уроках истории или «зарубежной» литературы, где изучают Гоголя... В семьях наиболее авторитетным предметом, влияющим на социализацию подрастающего поколения, является телевизор, увеличивающий дозу ядовитой инъекции в поле более широком и, главное, в более доступном для поглощения информации, так сказать — в «усвояемом» виде. Кроме того, безусловное влияние оказывает повседневное «национал-бытовое» окружение украинцев, которое не так агрессивно, но не менее успешно втягивает в обиход украиноязычия, «правильного понимания ситуации» и даже сочувствия к «внутриукраинской проблематике». Одна из наиболее распространенных мотиваций нежелания русских родителей отдавать своих детей в русские классы такова: «Но ведь высшее образование уже везде на украинском» или «Мы живем на Украине, значит должны знать ее язык».

От «русских», живущих на Украине, все чаще можно услышать требования «прекратить спекуляции на темы русского языка на Украине со стороны России» и обратить внимание лишь на обеспечение «беспрепятственного проезда в РФ и временного проживания там». Таким образом, упрощенно-собственнические инстинкты стали превалировать над национальной самоидентификацией.

Не будет удивительным, когда, некоторое время спустя, ожидаемые референдумы по статусу русского языка или вступлению в НАТО продемонстрируют, что большая часть русских на Украине, вместе со сформировавшимся этническим украинством, позитивно отнесется к государственной украиномовности, к необходимости читать, смотреть, слушать, учиться исключительно на *мове*, к вступлению в Североатлантический альянс и к необходимости экстренной защиты своих национальных интересов от «злокозненности москалей».

Сегодня украинским политикам выгодно как можно дольше затягивать проведение таких референдумов, чтобы народ устал, в т. ч. — от ожидания их проведения, и был готов прого-

лосовать уже за то, что предложат организаторы и пропагандисты. Каковы будут результаты пропаганды, осуществляемой как за бюджетные деньги, так и за счет масштабной помощи Запада, не трудно предугадать. Особенно, на фоне отсутствия эффективной пропаганды и контрпропаганды с нашей стороны.

Ведь тиражами и объемами наших газет мы можем поддерживать весьма слабый тонус лишь в узкой среде соотечественников, которые все еще остаются русскими и друзьями России... А на большее у нас нет ресурсов. И в современных условиях ведения информационных и идеологических войн, надежды, что народ сам «воспрянет ото сна» — по меньшей мере — нерациональны.

Под давлением со стороны государственных институтов, русофобских политических сил и общественных организаций и, особенно, под влиянием СМИ, на фоне разочарования в «помощи исторической родины», в результате собственной трусости, равнодушия, мещанства происходит серьезная деформация русскости. И на смену русским Украины приходят те самые «украинские русские», для которых «любовь к Украине» даже более важна, чем любовь к Руси и всему русскому, по причине того что «Мы здесь живем и это наша родина»... Таких на самом деле не так уж и мало, они заметны и даже превращаются в своеобразные «национал-украинские» знамена, призывающие к подражанию украинцам, к тому, что «нужно смириться и жить здесь по-украински», к тому, что «европейская Украина, вместе с НАТО не так пугают, как безразмерная и сложная Россия» и т. п. Эти украинские русские на выборах уже голосуют за НУНСы и БЮТы, и никакие аргументы и призывы о необходимости восстановления общерусского единства на них уже почти не действуют.

Один из примеров - ныне «великий украинский писатель» Андрей Курков, отметивший как-то, что «видел» президента Ющенко, от которого «исходили солнечные лучи, которые согревали замерзшую страну больше, чем российский газ». Но выходит так, что именно его, идентифицирующего себя «украинским писателем», почему-то приглашают на парижскую книжную выставку русской литературы, его почитают в России.

И вообще, как ни странно это выглядит сейчас, в России по-прежнему любят возиться со всем украинским. Если приходится садиться с русскими в России за стол, они обязательно заведут разговор об «украинской горилке» и о «братьях хохлах», о сале, «спивучей мове» и «веселых писеньках», подразумевая, что приехавшему с Украины русскому это должно быть особенно приятно.

По приглашению В. М. Клыкова мне довелось участвовать в восстановительном съезде «Союза Русского Народа» в Москве. Когда мы с товарищем подошли к столу, где проходила регистрация делегатов и гостей, и сказали, что мы приехали из Киева, два жизнерадостных молодых русских патриота, которым, судя по всему было поручено наблюдать за порядком, в один голос радостно воскликнули: «А, хохлы!»

Мы с товарищем удивленно переглянулись. Не обнаружив на наших лицах ответной радости, русские патриоты слегка озаботились и переспросили: «Так вы из Киева?»

«Да, мы русские из Киева. — ответил я. «А, братья украинцы! — воскликнул не с меньшим восторгом уже один из молодых, вероятно подумав, что назвав нас «хохлами» он поступил слишком запанибратски...

Что оставалось делать нам? Пожав плечами отойти, рассуждая на тему о том, куда, собственно, мы попали?..

Казалось бы, что здесь такого? Пошутили ребята! Ан нет! Это не была шутка, это была искренняя, почти естественная, заложенная уже чуть ли не в генах «приязнь» россиян ко всем, живущим «в Украине» именно как к «братьям-хохлам — украинцам»... Но ведь в данном случае речь шла о мероприятии наиболее консервативно настроенной части русских России!

Этнически русских фамилий в русофобских партиях и политических блоках современной Украины множество. Их не меньше и в партиях, выдающих себя за пророссийские, но только выдающих. Но это только фамилии, за которыми уже давно нет национально-культурной принадлежности.

Серьезный кризис русской идентичности поразил и собственно Русское Движение на Украине, где, казалось бы, эта самая идентификация - вопрос решенный. Некто Надежда Цыкура из с. Голая Пристань Херсонской области, председа-

тель местного отделения одной из всеукраинских русских организаций решительно заявляла в период газового кризиса: «Россия хочет поставить Украину на колени — хотя я русская, это мое личное мнение. Но это у них не получится» (газета «Моя Родина» № 36, 2005).

Есть другой подход к самоопределению «национально-сознательных» русских Украины. Утвердив себя в роли региональных или даже общегосударственных лидеров Русского Движения, эти лица используют «идентификацию», как средство получения прибыли или пиара, за счет тех или иных программ «помощи соотечественникам».

В условиях обостряющейся борьбы трех культур на Украине: русской, украинско-националистической и евро-американской, и при фантомности «украинской нации», отсутствуют действенные механизмы и методы сопротивления. Ведь и украинско-националистическая и евро-американская культурная агрессия направлены, прежде всего, на вытеснение общерусской культуры и духовности, представленной каноническим Православием. А с учетом разрозненности русского национального сообщества Украины, у русских сложились здесь весьма мрачные перспективы:

— ассимиляция большей части русских и превращение их в «украинцев» или в локальную этническую субстанцию с «очень важной» преданностью своей национальной «шароварщине» с сохранением этнического колорита — кокошники, балалайки и т. п.

— интеграция русских в украинскую систему координат и полное избавление от глубинного русского самосознания.

— продолжающееся обособление от России и дальнейшее развитие «украинских русских» как одного из вариантов анти-русского проекта (Украина как окраина НАТО), с сопутствующим умалением русского культурного пространства и полным упадком национальной культуры, Веры, окончательным искажением истории.

— превращение русского автохтонного населения в рамках украинского государства в «российскую диаспору».

Противостояние этим злокачественным преобразованиям русскости и таким «перспективам» русских Украины возмож-

но при обеспечении трех составляющих.

1. Внешнеполитическая составляющая

России необходимо изменить свою «украинскую политику». По сути, Россия упускает сегодня уникальную возможность влияния на «стратегического соседа» посредством большой по численности общности русских Украины. Опыт показывает, что даже у «малых» стран имеющих «малые» диаспоры на Украине, данная политика более чем осознанная. Примером тому — наличие в каждом областном центре «польских культурных центров», «польских домов», «домов украинско-польской дружбы» и так далее, созданных и содержащихся за счет польской стороны. Эти центры являются не только трансляторами позитивного имиджа страны, но и выполняют куда более специфические задачи. Россия не только не имеет подобных учреждений, но и отрещивается от необходимости их создания. Российское государство еще как-то можно понять. А вот российское общество, русскую элиту в России — понять невозможно. И еще более невозможно понять представленный на рынках Украины российский бизнес.

Российская сторона слабо использует совершенно легальные информационные поводы для воздействия на общественно-политическую ситуацию на Украине. В основном это спутниковое телевидение, видеофильмы и книги. Пример, приближающийся 300-летний юбилей Полтавского сражения, пока не вызывающий серьезного интереса в России, несмотря на всю национально-историческую уникальность данного события, на решающее его значение в становлении российской государственности. Вопиющим является полное игнорирование российской стороной таких юбилеев, как, например, 225-летие со дня рождения великого русского полководца, уроженца Малороссии, генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича, который стоит в одном ряду с Суворовым, Кутузовым и еще очень многими военачальниками России, прославившими ее в веках.

Таким образом, работа «по Украине» должна стать более продуманной, последовательной, что обязательно приведет к ее эффективности. И пора перестать стесняться отстаивать свои геополитические интересы. Ведь не стесняется же делать это ни одна мировая держава!

2. Организационная составляющая

Сегодня на Украине существует несколько адекватных организаций, к сожалению не до конца преодолевших «болезни роста». В то же время, структура Русского Движения (или, если хотите — Русского Сопротивления) нуждается в предметном дифференцировании. Особенно это касается вновь же, российского участия. Все более «теряются» русские территории в Центре, на Юге и Востоке Украины, да и в Крыму проблем с каждым годом все больше.

Оптимальная и удобная форма организации русских Украины продемонстрирована созданием Объединения «Русское Содружество», (принцип конфедерации и обеспечения особого внимания к самодостаточным региональным организациям, в зависимости от их активности и адекватности).

3. Информационная составляющая

Сегодня одна из главных причин сокращения активности русских, гашения их национальной самоидентификации — это ничтожно слабая активность в области информации и пропаганды. К тому же, русские, по сути, лишены национальной идеи, адаптированной к условиям современности, что и влияет на слабость их национальных политических организаций.

В дискурсе о понятии нации, который на самом деле весьма развит, у современных европейцев понимание «нации» значительно более политизированное, чем у русских, и варьируется от «народа с особым политическим сознанием» (Карл Шмитт) до «нации-государства». Есть и постиндустриальное понимание нации. Приведем для примера определение известного футуролога Э. Тоффлера: «Нация — это не «духовное единство», как называл ее Шпенглер, и не «ментальная общность» или «социальная душа»... То, что мы сегодня называем нацией, — это... единая интегрированная политическая власть, тесно связанная, сплавленная с единой интегрированной экономикой...». (Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999).

В отношении русских приходится согласиться с Е. Холмогоровым: «Народность, культурная особенность, этничность, сами по себе не создают нации. Нация появляется лишь тогда, когда у народа появляется некая «сверхзадача», некий проект, не сводящийся к обеспечению выживания. Именно националь-

ный проект создает из этноса или группы этносов нацию» (Холмогоров Е. Русское средневековье).

Для русских Украины «сверхзадачей» должно стать не просто гипотетическое сохранение «единой восточнославянской цивилизации», а сохранение, а теперь уже и восстановление собственной самоидентификации русского народа, русского человека — своего на Русской Земле, восстановление Русского Государства.

Русские уже поспособствовали формированию самоидентификации украинцев, которым не нужна цивилизация общая, им нужна цивилизация «украинская», а значит, русским пришлось время думать о себе.

Здоровый русский эгоизм на Украине, при поддержке его Россией, выровняет чашу весов и уже тогда ментальные устремления украинца, естественно, фундаментально основываясь на его природном происхождении, притянут его в сторону чаши русской...

Прорусское и пророссийское на Украине

И через 17 лет после обретения Украиной *незалежності*, в условиях усиленной украинизации, массовой антирусской пропаганды в СМИ, школьного воспитания, направленного на формирования образа врага украинского народа в историческом лице России, «москальской орды», секуляризации её информационных потоков, канонизации её врагов, полной переписки истории, официальной ориентации на Запад, НАТО, на Украине сильны прорусские и пророссийские настроения.

Условимся здесь о терминах. Прорусскость подразумевает решение проблем этнических русских и других русскоговорящих на Украине собственными силами (не отказываясь, впрочем, от спонсорства со стороны России, вообще извне, для финансирования культурных и образовательных программ). Прорусские воспринимают новое государство, как объективную реальность, вторую Россию, с понятным же, русским региональным названием Украина, со своей собственной судьбой, вольной в выборе внутренних и внешних приоритетов; им свойственен всеукраинский и региональный (малороссийский, новороссийский, донецкий и пр.) гражданский патриотизм; сближение с государством РФ для них желательно не как слияние в одной возрождённой сверхдержаве, а как разной степени и продвинутой интеграция, одинаково полезная двум суверенным частям исторической Руси. Они не лишены ностальгии по общему дому, элегических переживаний, но то и другое уступает прагматизму, коль дело касается жилья, образования для детей, собственной карьеры, прочих «рубашек, близких к телу». Прорусские настроения доминируют в русскоязычной среде.

Там же, гораздо реже (и с каждым годом ослабляясь) проявляются настроения пророссийские. Их носители часто — пассионарии (по Л. Гумилёву) или близкие к ним, ибо озвучивание или практическая демонстрация взглядов в окружении украинства (значит, антируссистов) под пятой унитарной власти сепаратистского происхождения, жёстких ко всем про-

явлениям активной русскости законов требует определённого мужества, согласия терпеть лишения, идти на потери по меньшей мере комфортности жизни в стране, государственностью которой они брезгают, как явлением неестественным, порождённым предательством. Представители пророссийских взглядов приветствуют любые шаги интеграции с Россией, даже если последние грозят отрицательно сказаться на Украине в целом, на их личном благополучии; предел их мечты - возрождение единой восточнославянской державы. Они недруги априори западной ориентации. Ими с удовлетворением принимаются все неуспехи политики украинского правительства в направлении ЕС, НАТО, вообще её провалы на мировой арене. При этом они больше патриоты России, чем умозрительной федерации (конфедерации) желаемого будущего, а в конфликтах России с Украиной становятся на сторону первой. Киев для них — ставка оккупационных сил, вторгшихся из Галиции. Они готовы принять любую помощь из России — финансовую (и не только на учреждения культуры и образования), политическую, даже военную, за что власть и *свідоме українсьтво* клеймит их (а заодно всех русскоязычных в стране) Пятой колонной, потирая руки от такой удачи. Тем сильнее разочарование, когда приходит осознание бесплодности ожиданий спасительной «руки Москвы». Отдельные индивидуумы этой категории (и таких немало) уходят в противоположность, ища выход из нестерпимо давящих руин своих надежд. Они превращаются в мстителей, пополняя актив крайних антироссийских организаций типа УНА-УНСО, способны на беспощадные действия против тех, кто обрёл их на роль «мигрантов», граждан второго сорта, в унитарном Украинском государстве «титовых».

В организациях русской культуры (обществах, общинах, движениях), в политических структурах, где отстаивание русскости не выходит из незалежных рамок, от пророссийских взглядов открыто отрешиваются, от их апологетов держатся на безопасном расстоянии. Кому охота быть обвинённым в антиукраинской деятельности! СБУ не дремлет. А надежда русского мира, сердце всей единой и неделимой Руси — за кремлёвской стеной.

Кто они, эти категории русскоязычных, населяющие плотно юг и восток Украины, доминирующие в больших промышленных городах центра и едва заметные на западе страны? Они называют себя русскими или украинцами чаще всего по ситуации, ибо в семье, где, например, мать — украинка по паспорту, а отец — паспортный русский (и оба родителя вышли из смешанных семей, а предки — переселенцы из Вологды и Волыни), не легко этнически самоопределишься. Это просто юго-восточные славяне, общающиеся между собой на вариантах русского языка, лишь «причѣсанных» школой и СМИ, сближенных армией и предприятием. А коль эти люди — общерусские, объединяются они для защиты своих интересов, в отличие, положим, от украинцев, кавказцев, французов и большинства других «не русских» с большим трудом, в структуры «под лидера»; не дружны, энергию растрачивают на «внутривидовое» соперничество, что ярко проявляется в Крыму, где в каждом «борце за свободу Крыма» классической русскости больше, чем у новоросса.

Оба явления, прорусское и пророссийское (со сложной «приграничной» зоной, в которой их трудно различить), стали возникать уже при агонии СССР в специфических условиях оживления украинства, когда ослабла узда Центра. Специфика состояла в том, что местные идеологи украинизма по вдохновению из Канады и Мюнхена продекларировали *Vigrogження* украинской государственности и культуры. Но возродить было нечего: в прошлом не нашлось «украинского Рима», а обломки «украинской античности» были представлены общерусскими образцами добогдановых времён. Таким образом, столкнувшись с первых шагов с непреодолимыми трудностями в выполнении своих намерений, титаны Украинского Возрождения взялись за искоренение всех явлений русскости на территории, ставшей им подконтрольной. Поскольку украинская досоветская культура представляла собой надфольклорный пласт, который предстояло вспахивать и вспахивать поколениям творцов, советская объявлялась чуждой, а с русской украинский духовный эмбрион конкурировать был не в состоянии, выход нашёлся в силовом унижении, искоренении последней. Это не было только мстью завистников. Русскоязычный на

Украине и двуязычный (языкомовный) украинец по своим культурным предпочтениям, во мнении *svigomix*, уже носят в себе имперскую, великодержавную бациллу, не могут быть полноценными гражданами *незалежной* Украины, патриотами, а раз так, необходимо принять меры, чтобы на Украине русским духом не пахло, чтобы стёрлась в памяти совместная история, а родство восточнославянских народов было признано лженаучным, представляющим опасность целостности Украинской державы, ровесницы античных империй.

Уже с конца 1980-х годов началось сокращение школ с русским языком обучения и дошкольных заведений, учреждений русской культуры, СМИ, во дворах библиотек разводились костры из литературы на языке «оккупантов», в Галиции русские культурные центры, школы на русском языке обучения с тех пор по сей день испытывают на себе акты вандализма. Отменялось изучение в украинских школах русского языка и литературы. Знаменательно, что в подготовке к такому погрому собственно русскоязычные сыграли активную роль, в массе своей поддержав разбегание «братских народов» по национальным квартирам. Оправданием такой позиции может послужить естественное настроение тех, кому выпадает возможность сменить коммуналку на отдельное жильё в общем доме. Распад СССР, спровоцированный русскими РСФСР, воспринимался соотечественниками в союзных республиках, как благостная децентрализация, избавление от тяжёлой руки Москвы, ощущаемой с раздражением даже в мелочах жизни; СНГ виделся усовершенствованным, демократическим вариантом прежнего Союза, а стремление соседа к культурному пиру на костях большевистских цензоров не вызывало озабоченности: какая угроза может исходить от «красоты, спасающей мир»!?

Именно реалии 1990-х годов на Украине породили прорусские и пророссийские настроения. До этого русскость была частью внутреннего мира отдельных индивидуумов, граждан единой страны. Она мирно придавала творчеству и повседневному поведению национальную окраску, не более того. В новых условиях возникла необходимость доказывать право на национальную школу, культурные учреждения, сам язык; в проявлениях русскости появился оборонительный импульс в разной

стадии активности вплоть до превентивных выпадов против подавляющей силы. Агрессивная тотальная украинизация оскорбляла национальное достоинство, вызвав стихийное движение бунтарей, объединяющихся в самодеятельные организации, своего рода цитадели, за реальными или призрачными стенами которых оставалась надежда сберечь духовные ценности русского мира, главную из них — родную речь.

Тот факт, что за 17 лет *незалежності* русский язык в его региональных вариантах остаётся в бытовом общении господствующим в целом по Украине (при 17 % «паспортных» русских), свидетельствует не об удовлетворительном держании «языковой обороны» прорусскими силами, а о том, что подавляющее число жителей юга и востока Украины русскоязычны исторически, не в результате «насильственной русификации», как настаивают украинские националисты; следовательно, «возврат» в лоно *мовы* — такое же насилие над ними, как украинизация пришлых русских. Естественное же вхождение в *мову*, объявленную единственно государственной, тормозится близостью двух восточнославянских наречий: можно знать только *мову* и только язык и при этом понимать друг друга, свободно общаться. Что касается заполнения официальных бумаг на *державній мові*, *мовники* в массе своей не более грамотны, чем русскоязычные граждане Украины; первым самим приходится с усилием входить в наспех сочиняемый галицкими, в основном, просветителями из Львова, Мюнхена и Торонто «великий и могучий сленг», диссонансно звучащий рядом с умерщвляемой всеми *незалежными* силами, мелодичной и цветистой мовой Котляревского и Марка Вовчка. Вспомните удивительную по безграмотности, косноязычию и тощему словарному запасу «украинскую речь» президента Кучмы. Как раз по предпочтительно языкомовному признаку проходит политический водораздел Украины: с одной стороны сине-белой, с другой — оранжевой.

Но водораздел — не трещина, тем более не пропасть. Языкомовность даже при законодательном неравенстве частей способна долгие десятилетия сохранять внутреннюю уживчивость с реальной перспективой для русского языка добиться более высокого статуса. А пользователи той и другой речи, идентифи-

цируя себя в разных нациях, более того, оставаясь малороссами-поднепровцами, слободскими метисами, великороссами, новороссиянами, галичанами и волынянами, закарпатскими русинами, буковинцами, подолянами, казаками, объединены земельным патриотизмом. Их политическим и экономическим элитам выгодна единая и неделимая Украина, какого бы цвета шарфы отцы народа или кандидаты в отцы не носили. Россия может гарантировать целостность своей строптивой, себе на уме, соседки, ожидая взамен даваемых гарантий дружественного поведения. Но сближение с Россией решительно отвергает Галиция, которая доминирует на Правобережье и всю страну захватила в заложники. Именно запад Украины грозит стране расколом в случае сближения с Россией.

Надобно признаться, что у русскоязычных образ новой России (в отличие от старой, в ностальгических общесоюзных красках) не столь привлекателен, чтобы ради неё идти на лишения. Этому способствуют и российские реалии, во многом отталкивающие, и в большой степени заказные старания украинских СМИ, также учебные программы всех уровней, в которых отечественная история подаётся как извечная война украинства против *наибольшего врага України*, москалей. Настроения прорусских можно выразить так: очень хочется быть вместе с Россией, но в Европе и лучше, наверное, дружить с НАТО, чем противопоставлять себя Атлантическому содружеству.

Вот почему прорусский электорат Украины голосует не за Александра Базилюка, намеренного стать (дайте ему только срок!) Президентом Всея Руси, а за Леонида Кучму, который всего-то лукаво обещает придать русскому языку статус второго государственного; не за партию Свистунова-Лютикова «Русский Блок», не за боевую дружину «Орлеанской Девы Украины» (на же «Конотопская Ведьма») Витренко, демонстрирующей сценическую русскость, переходящую в пылу полемики в российскость, а за «Партию регионов», члены которой изъясняются на русском языке, но русские проблемы намерены в случае прихода к власти решать после всех остальных. «Остальные» же — наипервейшие: интересы юга и запада Украины, её целостность, искусная «союзническая дойка» Москвы, маневренное между ней, Вашингтоном и Брюсселем сближение с

ЕС и НАТО, затапывая оранжевые следы бело-синими подошвами. Да, согласимся с Олегом Неменским¹, по этому вопросу имеются серьёзные различия между «оранжевыми» и «бело-синими», но это всё же различия в тактике и политической манере, а не в стратегической направленности, которую никто не оспаривает.

Что касается русского языка, по мнению «регионалистов», повышение его статуса как раз и снимет опасную для обеих «разноцветных» сторон напряжённость, усилит целостность Украины, страдающей территориальной нестабильностью. Каменная неуступчивость «оранжевых» в этом вопросе и делает их в глазах прорусского электората «чужими», а соратников Януковича — «своими». Отношения тех и тех к иным вопросам, в том числе к членству в НАТО, лишь добавляет оттенки приязни к одним и неприязни к другим.

Такая избирательность прорусского электората возникла не без активной бездеятельности Москвы в первые годы после «цивилизованного развода», по которому десять миллионов этнических русских (по записи в паспорте) оказались на положении подкидышей: для России — иностранцы, на Украине — *національна меншина, мігранти* до скончания мучительного процесса полной ассимиляции, с забвением языка отцов, переоценкой исторических, культурных, прочих ценностей. С окончанием первого президентства наступили времена некоторых телодвижений в пользу соотечественников, сдержанной благотворительности, но по сей день Кремль демонстрирует отсутствие действенной политики на Украине. Какой стиль поведения избрать в отношении юго-западного соседа? Пригрозишь пальчиком, скажешь «ай-ай-ай» — никакого результата; грохнуть кулаком по столу, пригрозить отнятием...нет-нет, не Севастополя, поначалу Тузлы — ещё обидится, убежит без оглядки в НАТО. Лучше уж без серьёзной политики. Вот и ходят вокруг Украины отдельные группы влияния, ни одна из которых не в состоянии решать стратегические задачи. Прорусская и пророссийская Украина это видит и делает выводы:

---

1 Неменский Олег. «Русская Украина» как альтернатива «пророссийской» // <http://www.apn.ru/publications/article1906.htm>

Россия нам не поможет.

А помогать необходимо — с пользой для нуждающихся в помощи (ибо это нравственная обязанность России перед пострадавшими от её преступных действий в 1991 году соотечественниками) и с пользой для новой России. Москве не выгодно на потеря страны «отца городов русских» и в геополитическом, и морально-историческом плане. Ещё в XIX веке, поддерживая младоукраинское движение в Галиции в противовес русофильским настроениям русинов, Австрия дальновидно полагала, что с отделением малороссийских губерний Россия выпадет из ряда великих держав. Сегодня Украина для России не просто потеряна; она становится недружественной. Натовские Крым и северное Причерноморье — главные призы России в её многовековой борьбе с ханством Гиреев и Портой — это глубочайшее унижение русского духа, Аустерлиц всего строения российской государственности, возводимого под разными вывесками (Великое княжество, Царство, Империя, СССР) от Ивана III до Иосифа Сталина; оскорбление памяти миллионов его строителей. Без преодоления такого унижения нечего и мечтать о возрождении былого патриотизма, без которого Россия «общечеловеков» обречена на распад.

Разговор не идёт о возвращении Украины в единое с Россией государство. Поезд ушёл. Но в нём наши соотечественники (8 млн), по меньшей мере половина из пассажиров русскоязычны, то есть в большинстве своём настроены прорусски. Они тот художественно воображаемый поезд назад не повернут, однако в свисток локомотива могут внести другую, благоприятную для России тональность. Пророссийскую колонну, что подозрительное украинство называет «пятой», «рукой Москвы», оставим «в уме», как потенциального проводника государственных интересов России. Нельзя допустить, чтобы русскоязычные стали заложниками межгосударственных отношений. А вот помочь им в отстаивании культурно-языковых позиций методами легального спонсирования в рамках международного права (ведь защищаются интересы «нацменьшинства»!) государственные и общественные структуры РФ могут и должны.

Русское культурное движение Украины, организованное в возможной в тех условиях и достаточной степени совершен-

ства, с пополняемой кассой, ввиду практической неисчерпаемости добровольцев, способно удовлетворительно решать свои собственные проблемы без покушения на украинскую государственность, уравновесить и даже превзойти по степени влияния враждебное России, западное, в основном, крыло *svigomogo ukrainystva*. Дружественная, суверенная Украина, мирно и эффективно реализующая в политике, экономике, культурном строительстве одновременно «западные» и «восточные» интересы, истинный стратегический партнёр (или хотя бы не «стратегический противник») сегодняшней России, вполне приемлема последней как соседка по черноморскому побережью. Таковой её может сохранять во временной перспективе прорусский электорат — русскоязычные граждане, патриоты своей нечаянной родины с родовым названием Русь. **Просветительская деятельность этого движения способна напомнить всем гражданам молодого государства (и закрепить в народном сознании истину), что почти все они не только украинцы или собственно русские (великороссы по устаревшей терминологии), но изначально русские люди (руські люди) — восточные славяне.**

Легально спонсирование Россией культурно-образовательных программ Русского культурного движения Украины (-РКДУ), наблюдаемое сейчас в виде едва заметных ручейков подаяний отдельным, конкурирующим между собой и ссорящимся за подачку организациям, в основном, через посольство и консульства, Департамента по делам соотечественников Правительства Москвы, должно превратиться в полноводный поток долговременной и щедрой государственной программы.

Организованные минпросом России курсы для преподавателей русского языка и литературы необходимо значительно расширить. И не медля, с учётом разрушительного действия на русское сознание на ходу сочиняемых неукротимым украинством опасно лживых «Историй Украины», организовать в РФ курсы для историков.

Сегодняшней России по силам финансировать, как частные, русские общеобразовательные школы в тех сравнительно крупных городах Украины, где таковых ученых заведений не осталось вообще (например, в Галиции, на Волыни, в Закарпатской

области нужна в 400 школах с русским языком обучения, действуют 16; в Киеве из 1000 средних учебных заведений для русскоязычных осталось 10). Обдумать размещение частных же лицеев и ВУЗов; при этом дать зелёную улицу через межгосударственную границу для абитуриентов из Украины.

Наша идея поддержки прорусских настроений и действий в их практической реализации, как всякая идея (по О. Хавичу), требует развития интеллектуалами, в первую очередь мастерами пера, пропаганды общественными движениями. Сейчас печальники русской культуры на Украине (и русскоязычные, и мовники - из тех, кто не видят перспектив развития украинской культуры в отрыве от русской), испытывают острый недостаток в доступных их карману издательствах. Поддержка последних Россией откроет их двери творцам, работающим на благо двух взаимодействующих культур. База для таких издательств есть. Например, во Львове испытывает общие для всех соотечественников трудности «Украинского Пьемонта» ИД «Цивилизация» Олега Лютикова (он заместитель председателя Международного Совета соотечественников); это издательство может обеспечить весь карпатский регион печатной продукцией во благо РКДУ.

Меценатство России необходимо дополнить (или заменить) системой предприятий, ориентированных на финансирование культурных и образовательных программ РКДУ. Влиятельное прорусское лобби в финансово-промышленных кругах юга и востока Украины так же при определённых усилиях реально.

Названные шаги, на мой взгляд, являются первоочередными и безотлагательными. По мере развития ситуации раскроются иные перспективы и появятся новые проблемы на избранных путях. Они подскажут, что делать дальше.

К вопросу о факторах формирования современной русской идентичности в России

«Русская» проблематика в современном обществоведении является сравнительно новым направлением: ее обсуждение началось в период перестройки 1985 - 1991 годов, когда «национальный вопрос» неожиданно для руководства СССР вышел на одно из ведущих мест в политике. Этническая мобилизация, широко используемая региональными элитами в борьбе за власть и ресурсы, приводила к агрессивному неприятию даже постановки вопроса о русских национальных интересах, что в контексте потенциальной дезинтеграции уже тогда было чревато непредсказуемыми негативными последствиями. Лишь распад исторической России привел к тому, что «русская» проблематика в публичном пространстве — постепенно и противоречиво — начинает занимать все больше места. В основе этого процесса лежит переход к реалистичной оценке процессов, происходящих как в мире, так и в неосуверенной России.

Исследователи глобализации справедливо выделяют множество общих черт в экономическом, политическом, социальном и культурном развитии стран и народов, особенно явно обозначившихся в последние два десятилетия. Крах биполярной системы также способствовал этому. В то же время в нашей стране долгое время вне поля зрения находились другие связанные с глобализацией явления — взрыв национализма, стремление сохранить свою национально-культурную идентичность. Вторая тенденция не менее объективна и «всеобща»: она в полной мере коснулась как государств «не западного мира», так и ведущих европейских держав. К сожалению, в отечественной научной литературе до сих пор не преодолена советская традиция «стыдливого» отношения к национальной проблематике: существование национальных групп рассматривалось как преходящее явление, этнические различия — как фактор разъединения. Отсюда — акцент на различных «объединительных» концепциях будь то «единый советский народ» или

современная «российская нация», которые даже в виде политических идеологем обладают весьма ограниченным потенциалом, поскольку «перескакивают» через реально существующие межэтнические противоречия. Между тем, эти противоречия никуда не исчезают, а их замалчивание приводит к конфликтным формам разрешения. Это в полной мере касается *качественно новой середины* существования русской нации, сложившейся после распада СССР.

Крайне неблагоприятная ситуация сложилась в странах ближнего зарубежья, где новая национальная идентичность конструируется на основе культуры титульных этносов, противопоставлении их России и русским и несет в себе мощный заряд русофобии. Это — сознательная стратегическая линия местных элит, призванная обосновать мотивы и смысл развала СССР и вписаться в современный, прежде всего западный контекст. Это касается и самой крупной из постсоветских (после России) стран — Украины, иллюзии в отношении которой безосновательно культивировались в РФ вплоть до недавнего времени. Стремление ограничить сферу применения русского языка и влияние русской культуры характерно — за редким исключением — для всех бывших союзных республик. Очевидна и внешнеполитическая переориентация ряда новых стран, пытающихся укрепить свой международный статус за счет противопоставления России.

Не до конца осознана новая ситуация и внутри Российской Федерации. В результате сложных процессов 1990-х годов на территории ряда бывших автономий сформировались этнократические режимы, в которых русское население ощущает различные формы ущемления. Это проявилось и в процессе организации власти, и в ходе приватизационных процессов 1990-х годов. Кроме того, этническая солидарность и клановость являются одними из заметных факторов не завершившей рыночную трансформацию экономики. Это также порождает смешанные чувства у русских. Во-вторых, впервые в истории русские оказались в подавляющем большинстве на территории своего государства. По всем международным стандартам — Россия мононациональная страна, где большинство населения — более 80 % — русские. (В СССР их доля едва превышала

50 %). Эти и другие факторы вместе взятые привели к качественно новому явлению — *этнизации сознания русских*, чего в их истории никогда не было. При различного рода «национальных возрождениях», имеющих либо государственную поддержку в новых государствах и в ряде российских субъектов, либо происходящих в форме национально-культурной автономии в России, рассчитывать на то русские удовлетворятся лишь «россиянской» идентичностью не приходится. Игнорирование этого обстоятельства ведет к тому, что объективно возникающие в межнациональной сфере противоречия неизбежно разрешаются через конфликты, неконтролируемые и порой весьма острые.

Тупиковость с определением места русских в системе современных национальных отношений начинает постепенно осознаваться, прежде всего, научным сообществом. Два года назад в «Литературной газете» была опубликована статья двух известных политологов — В. Д. Соловья и А. С. Ципко — под симптоматичным названием «Грядет ли русская национальная революция?» Авторы не сомневаются в наличии предпосылок для осуществления и такого сценария и ставят важнейший вопрос о наличии *субъекта*, готового подобное движение возглавить. Речь идет о том, кто может выражать, представлять и отстаивать интересы русских как этнокультурной общности. Соловей и Ципко не видят в России таких организованных и влиятельных сил. Вместе с тем, мы можем констатировать определенные сдвиги в массовом сознании, что находит выражение в создании ячеек — пока не слишком заметных — гражданского общества, к мнению которых уже не могут не прислушиваться властные структуры. Подвижки наметились и на государственном уровне. Идеи консолидации общества основе традиционных национальных ценностей, имеющих православную основу, звучат из уст первых лиц страны. Отрабатывается концепция поддержки «Русского мира», в ее осмыслении участвуют как государственные, так и общественные структуры, создан специальный фонд для решения стоящих в этой сфере задач.

В то же время положение русской темы в элите остается неустойчивым. Не ушли с политической сцены, хотя и отодви-

нуты на второй план те фигуры, карьеры которых связаны с дезинтеграцией СССР, поддержкой русофобских «национально-освободительных» движений в период «перестройки». От них и сейчас можно услышать констатации того, что «наконец-то Россия обрела свои естественные границы», а то, что происходит в соседних государствах ее не должно касаться. Такая позиция наносит мощный удар по русской национальной идентичности, основанной на истории и культуре, начавшихся не с 1991 года. Сюда же объективно примыкают и «идейные интеграторы» от Горбачева до современных глобалистов, видящих пользу для страны в том, чтобы побыстрее интегрироваться в «цивилизованный Запад», отказавшись от тех традиций и ценностей, которые, по их мнению, препятствуют этому. В этой среде можно услышать о несовместимости православия и рыночных отношений и что в связи с этим нужно менять русские национальные культурные коды, основанные на православной этике.

Несмотря на предпочтения влиятельной части российского политического класса, сегодня становится все очевиднее *иллюзорность расчетов на союзнические* отношения с Западом. В американской политической среде обсуждаются сценарии дальнейшего — после дезинтеграции СССР — расчленения России. Нашей стране отказано в тесной интеграции с ведущими западными структурами — НАТО и ЕС, сохраняются барьеры в плане доступа к высоким технологиям, налицо стремление законсервировать сырьевой крен российской экономики. Консолидированная Европа пытается установить правила игры, в которых она имеет заведомые преимущества. Следует обратить особое внимание на претензии влиять на внутреннюю жизнь нашей страны. В Брюсселе уже не скрывают, что *рассматривают «демократизацию» стран Восточной Европы и в первую очередь России как инструмент внешней политики Евросоюза.*

В этих условиях Россия обречена на проведение такой стратегии, которая диктуется уже сложившимися условиями ее внутреннего и внешнего развития; их нельзя отменить или произвольно изменить. При решении задач обеспечения безопасности, благосостояния, суверенности государства особое место

занимает современное определение своей национальной идентичности, адекватное осознание которой является основой ценностных ориентиров развития страны. Поскольку Россия — государство, в котором русские играли и играют исключительную роль (в создании, защите, экономическом развитии, культурном влиянии), то признание русской основы современной российской государственности не имеет конструктивной альтернативы. Это обстоятельство нашло выражение в недавних заявлениях *российского руководства о приверженности русскому национализму* при защите национальных интересов страны. Непривычность такой постановки вопроса связана с незавершенностью осмысления нынешнего состояния российского общества после краха социализма советского типа и либерального рывка 1990-х годов. Однако происходящие в последние два-три года в общественном сознании подвижки внушают осторожный оптимизм в отношении вектора его развития.

Трудно быть русским в Центральной Азии

Наверное, я не открою Америки, если скажу, как трудно быть **русским** в ближнем зарубежье. Ещё труднее оставаться **русским** в Центральной Азии, где бывшие советские республики, с разными темпами и скоростью, строят национальные государства. Результаты такого строительства известны — никакого «мультикультурализма». В Таджикистане и Туркмении русских почти уже не осталось, а те немногие русские жители этих республик являют собой некий этнографический «реликт», только подчёркивающий мононациональный характер этих государств.

В Узбекистане русских побольше - около 1млн., но они также не играют никакой роли в культурной и общественно-политической жизни республики.

Как бы особняком в ряду среднеазиатских этнократий стоят Казахстан и Киргизия. Здесь процессы нацстроительства идут медленнее, поскольку в них высок удельный вес русского населения, оказывающего существенное влияние на социально-экономическую жизнь суверенных государств. И это, на мой взгляд, единственная причина, удерживающая власти этих республик от проведения жёсткой национальной политики в отношении русскоязычного населения.

Характерная поведенческая особенность властей Казахстана и Киргизии — расхождение официальной риторики с реалиями внутривнутриполитической жизни этих государств. В сфере межнациональных отношений ими избрана тактика «мягкой дискриминации». Проще говоря, русскоязычное население ставят перед выбором: либо ассимиляция, либо неизбежный выезд за пределы страны. Причём утверждение «национальных приоритетов» поставлено на концептуальную основу и происходит поэтапно.

Особенно преуспели в этом казахстанские власти. С приходом нефтедолларов в страну и возможностью геополитических спекуляций на транзите углеводородов, ассимиляционное давление на «нетитульное» население резко возросло. И сегодня

ня казахстанские независимые наблюдатели с возрастающей тревогой говорят о широком распространении ксенофобских и русофобских настроений, культивируемых в среде казахского общества.

Как считают идеологи казахского национализма, в Казахстане не должно быть никакого мультикультурализма и «надо открыть дорогу ассимиляционным процессам». Азимбай Гали, один из теоретиков казахской «великодержавности», в статье «Концепция «большой казахской нации» прямо пишет: «То, что в Прибалтике делают жестко, в Закавказье грубо, в Казахстане должно быть сделано мягко, со свойственной казахам комплиментарностью. И это происходить должно во всех сферах — доминирование вещь принципиальная».

И эти рекомендации казахстанскими властями последовательно претворяются в жизнь. Используя внедрение казахского языка как инструмент давления, русских постепенно выталкивают из государственных структур и бизнеса. Год от года уменьшается представительство русских в высших органах власти.

«В действующем составе нижней палаты парламента Казахстана, избранном в соответствии с новой конституцией в августе 2007 года, представлены 82 казаха, 17 русских (15,9 %), 2 немца и по одному белорусу, балкарцу, корейцу, украинцу, узбеку и уйгуру⁵. То есть доля русских среди депутатов Мажилиса оказалась в 1,6 раза меньше их удельного веса в составе всего населения (на 1 января 2006 года — около 26 %⁶), — говорится в аналитической статье Александра Шустова «Русские в органах власти стран Центральной Азии».

Между тем стабильный исход русского населения из этих республик продолжается. Он не носит обвального характера, но миграционная динамика такова, что России надо быть готовой к тому, что границей «исламского мира» станет (простите за тавтологию) российско-казахстанская граница. Ведь даже неискушённому человеку нетрудно заметить, как по мере уменьшения ареала русского расселения в ЦА, освободившееся пространство приобретает другое цивилизационное наполнение.

Но это, к слову. Поскольку рядом есть ещё огромный Китай с его избыточным населением. Поэтому тема внутренней и вне-

шней безопасности России требует отдельного глубокого исследования, выходящего за рамки настоящей публикации. Тем более — сейчас, когда речь идёт о создании единого таможенного пространства, свободном перемещении людей и прозрачных границах. Я просто хотел, чтобы это услышали.

«Русский мир» в ближнем зарубежье несёт не только количественные, но и качественные потери. В бывших советских республиках появилась популяция «других русских», оторванных от русской культурно-религиозной традиции и не отождествляющих себя со своим Отечеством — Россией. Эти люди говорят на русском языке, носят русские фамилии, но при этом подчёркивают своё негативное, в лучшем случае «толерантное» отношение к своей исторической Родине.

На мой взгляд, это явление имеет под собой следующие причины. Первая — это «разруха в головах» поколений русских людей, из которых в годы советской власти планомерно и последовательно выбивали православную религиозность и «великодержавный русский шовинизм». И — почти выбили. Лишившись «русскости» и традиционных духовно-нравственных ценностей, русское население как в России, а особенно в ближнем зарубежье стало пластичным материалом для всякого рода манипулятивных и ассимиляционных внешних воздействий.

Советской идеологии уже нет, но её реликты — социальное иждивенчество и бездумный атеизм — тем не менее, всё же остались. Отсюда вытекают и растительное существование русских, и постепенная утрата ими своей национальной идентичности. А ведь им, находящимся в условиях иноязычного и инокультурного общества, казалось бы, сам Бог велел, хотя бы в целях самосохранения и выживания, опираться на русские традиции и православную соборность.

Вторая причина — это адресное ассимиляционное воздействие на русское население со стороны властей бывших советских республик, сопровождающееся соответствующей культурной и образовательной политикой.

Искажается российская история, исчезают названия населённых пунктов и городов, основанных русскими поселенцами, исподволь разрушается целостность русского образа жизни, в

быт привносятся элементы иной культуры. Таким образом, происходит незаметное, на первый взгляд, мировоззренческое перерождение русских и усвоение ими правил поведения, задаваемых извне.

Как говорит Азимбай Гали, «казахская элита, стремясь к доминированию, на первом этапе очерчивает правила игры: это можно, это нельзя».

Причём «игра» идёт на противопоставлениях: ИЛИ-ИЛИ. Или русское (русскоязычное) население принимает политическое, языковое и культурное казахское доминирование, или как «самодостаточная часть общества, с великим языком и культурой» должна быть так или иначе выдвлена из страны. При этом не принимаются во внимание ни историческое соседство казахского и русского народов, сохранявших на протяжении веков свои самобытность и культуру, ни иные действующие модели национально-государственного устройства.

И, наконец, главная причина появления «других русских» в ближнем зарубежье — это неопределенность статуса государственнообразующего русского народа в самой России, точнее его отсутствие. Как ни парадоксально это звучит, но популяцию «других русских» увеличивает, мягко говоря, неартикулированная российская политика в отношении русского населения в бывших советских республиках. Под категорию «соотечественников» подверстали всех: ближних и дальних, коренных и некоренных.

В результате сложилась такая ситуация. В частности, в том же Казахстане существуют многочисленные национально-культурные объединения (татарские, чечено-ингушские, карачевско-балкарские, еврейские и др.) — все они российские соотечественники. Вместе с тем они никак не позиционируют себя как органическую часть русской - будем говорить, всей российской диаспоры в Казахстане.

И если русские «соотечественники» как-то пытаются защитить русский язык и культуру, то власти против них выдвигают других российских «соотечественников», которые хором утверждают, что таких проблем в природе не существует, а те, кто это утверждает, не могут представлять русскоязычное население республики. Иными словами, все эти нацобъедине-

ния, преследуя свои узконациональные цели, фактически не имеют никаких моральных обязательств ни перед русскими «соотечественниками», ни перед Россией.

Поэтому понятие «Русского мира», базирующееся только на русском языке и формальном признании российских ценностей, далеко не адекватно русской цивилизации. Поэтому я здесь абсолютно согласен с Сергеем Пантелеевым, который говорит, что «русскоязычие отнюдь автоматически не означает какого-то комплиментарного отношения к России, русской культуре, а уже тем более — к современному политическому строю нашей страны».

К этому я хочу добавить, что в подавляющем отношении печатные и электронные СМИ в Казахстане русскоязычные, но тональность большинства публикаций лояльна по отношению к казахстанским властям и уничижительна по отношению к русским и России. Что же касается Интернет-пространство в ЦА, то это вообще, «белое пятно» с точки зрения российского присутствия. В нём есть множество блогов и сайтов, за которыми стоят различные группы влияния, но нет русских Интернет-ресурсов, формирующих положительный образ России. Стоит ли удивляться тому, «русский мир» в гуманитарном измерении как бы прирастает, а с точки зрения сохранения русской идентичности рыхлеет и сокращается.

Как практик, я могу сказать, что мы можем и должны заполнить эту информационную нишу. На создание русского сетевого информационного пространства нельзя жалеть ни усилий, ни денег, ни административных ресурсов. В противном случае Россия не только утратит возможности сколько-нибудь эффективно влияния на умонастроения русскоязычного населения, но и вообще останется пассивным наблюдателем в геополитической борьбе на постсоветском пространстве.

Думается, вопрос сегодня должен ставиться в такой плоскости: желает ли Россия получить «пятую колонну» в лице «других русских»? Ответ лежит на поверхности — конечно же, нет. А если это так, то проблему расширения российского информационного пространства (с его внятным русским ценностным контентом) следует безотлагательно включить в число стратегических приоритетов, обеспечивающих глобальные интересы России.

Русская идентичность: цивилизационное измерение

Тема **русской идентичности** — архиважная, ключевая с точки зрения понимания сути русского вопроса, существования, русской нации, русской цивилизации, самой России, выработки и реализации стратегии их спасения, сохранения и созидательного развития.

Парадоксально, но факт — хотя русский этнос сложился много веков назад, создал свое государство и величайшую культуру, нам приходится опровергать домыслы, будто русского народа нет как такового, а сами русские переродились в неких россиян. Отчасти это связано с переживаемым Россией **кризисом идентичности**.

Вместе с тем, русский — это **понятие фундаментальное, сущностное**, это одна из базисных ценностей нашего общества, скрепленного единой русской идентичностью, осознанной или неосознанной. Русский — это понятие скорее цивилизационное, духовно-политическое, чем этническое, хотя, конечно же, присутствуют и язык, и духовное родство, и «зов крови», и, как ни в каком другом народе, мера служения России инациональных граждан, ставших русскими по добровольному выбору. Есть также ценностная структура **отличения русских**, со всеми их достоинствами и недостатками, от других народов и цивилизаций, есть своеобразие русского духа, проявляющего себя в вере, разуме, чувстве, воле, национально-психологических установках, в добрых и в плохих делах.

Следует отметить, что в советское время, а также в постсоветские 1990-е годы по разным причинам **этническое самосознание русских было приглушено**. Советское руководство стремилось создать новую общность — советский народ, а постсоветский либеральный режим — российский народ с «новыми русскими» перерожденцами.

В настоящее время ситуация в России и вокруг нее коренным образом изменилась. Поверженная в Третьей мировой

или холодной войне страна оказалась на грани гибели. И вновь, как в 1941 году, потребовалось обращение к этническим чувствам, к инстинкту самосохранения, к русским истокам. К нашему удовлетворению **начался подъем русского национального самосознания**, хотя и очень медленный.

Здоровый русский национализм становится все более осязаемым, чему не в малой степени способствует патриотическая риторика руководителей государства и высшего православного духовенства, их призывы укреплять «русский мир», содействовать распространению русского языка, русской культуры, следовать традиции и тому подобное. В большей степени стала проявляться, особенно у молодежи, **русскость**, чувство принадлежности к русской нации, русской цивилизации. Правда, нам пока еще далеко до суворовского восприятия русскости: «*Я русский! Какой восторг!*», но отрадно, что движение самосознания идет в этом направлении.

Нам представляется, что на данном историческом этапе жизнеустройства России, когда главной задачей государства и общества является **объединение разъединенного русского народа**, в иерархии взаимосвязанных ценностных приоритетов на первое место следует поставить формулирование и укрепление русской идентичности, утверждение русскости на всех уровнях — человека, социума, власти, культуры, образа жизни. Это является необходимым условием для приобретения национальной гордости русского народа, мобилизации духовного потенциала страны на возрождение русского многонационального Отечества, на создание Великой России, укрепление веры, на борьбу со всеми недругами за свое существование, свою суверенность, свой образ жизни.

Русская национальная и культурная идентичность — это неотъемлемы атрибут воспроизводства России в качестве самостоятельной и самодостаточной цивилизации, обеспечивающей достойную жизненному сообществу и выступающей в роли системообразующего фактора в мировой политике.

Русская идентичность — это осознание ценности нации как единства общества и государства; это элемент формирования политической нации, способной воздействовать на власть; это наследование национальных и культурных традиций; это связь

поколений и передача исторического опыта.

Русская идентичность — это сохранение русского уклада и образа жизни с учетом традиций и изменений, созвучным времени и новым условиям жизнедеятельности; это образ будущего для русского народа и единая система ценностей русских.

Русская идентичность — это смысловая опора для строительства и самосовершенствования себя как русской личности, для возвышения человека, восприятия им высших ценностей и идеалов, обретения социально значимого целеполагания и смысла жизни, связанных со служением Отечеству, своим близким, всему человечеству; это обретение чувства собственного достоинства, собственного «Я».

Русская идентичность — это залог и скрепа социальной гармонии, стабильности и порядка в стране, за что несет ответственность каждый русский человек; это пресечение деградации ценностей в направлении индивидуализма, крайнего эгоизма и примитивного потребительства; это сбережение души народа.

Русская идентичность, наконец, органично связана с естественной национальной самоидентификацией себя с русскими всех народов России, воспринявших русскую государственность, русскую культуру и русский язык в качестве собственных базовых ценностей, в полной мере одновременно сохраняя свои этнические особенности. Нет никакой нужды побуждать их «переходить» в русские, поскольку они уже находятся в русской цивилизации, соединяясь в **русском многонациональном народе**. Примечательно, представители этнонациональных групп России, находясь за границей, с полным на то основанием, сами называют себя русскими и совершенно естественно откликаются на обращение к ним как к русским.

И как вывод к этой части доклада. Прорыв России в будущее возможен только за счет русского фактора, русского здорового национализма. Поэтому надо укреплять в людях русское национальное сознание, формировать русскую идентичность объединенными усилиями общества и государства.

Несколько мыслей о цивилизационном измерении русской идентичности. Ключевая посылка сводится к следующему.

Мы имеем дело с **разрушением цивилизационного ядра**

единого русского народа, «Русского мира», что нашло свое выражение в его расколе на русских, украинцев и белорусов, а также на отсечение 25 миллионов русских от исторической России новообразованными на ее территории государствами, которые сами совсем недавно находились и фактически продолжают находиться в русской цивилизации. К сожалению, этот раскол усугубляется.

Принадлежность к русской цивилизации — это то, что нас объединяет. Цивилизационный подход позволяет нам апеллировать к общему историческому происхождению и опыту совместного бытия, когда мы были вместе, взаимно обогащая друг друга. Обращаясь к народам, относящимся к русской цивилизации, мы говорим: да, у нас у всех есть свои особенности, исторически сложившиеся, но корни то у нас одни, русские, мы одна семья. Так давайте же, как это надлежит семье, жить в согласии, по правде, по совести, по справедливости. Давайте восстановим цивилизационную солидарность. найдем приемлемую форму совместного цивилизационного существования, когда у всех будут равные права, равные возможности и равная ответственность за общую судьбу.

Как известно, **русская цивилизация включает русский многоэтнический и многоконфессиональный народ, русскую государственность, русский язык, русскую культуру, коммуникационные и иные связи.** Эти цивилизационные слагаемые и следует развивать. Следует добиваться именно цивилизационного согласования во взаимоотношениях разных ветвей русского народа, выстраивать цивилизационное управление «русским миром», включающим в себя разные государства, народы, общины, совмещающим организационные, интеллектуальные, нравственные и духовные начала.

Сохраняя преемственность в цивилизационном процессе, следует придать русской цивилизации **новые качества за счет введения и воплощения в ней новых идеалов, новых смыслов, созвучных ожиданиям русского народа и всего человечества,** следует выработать и принять стратегию ее инновационного развития, задействовать цивилизационные механизмы сближения, бесконфликтного существования, мобилизации людей. Но для этого нужно перейти нашему руководству и всем нам на

цивилизационный тип мышления, к цивилизационным проектам, научиться задействовать цивилизационный потенциал русского народа, преимущества русской цивилизации как интегрирующей системы, ее высшие, базисные ценности в свое политике. Только тогда можно будет говорить о цивилизационном предопределении пути развития России, ее высокой миссии вести за собой народы и государства в лучшее, гарантированное будущее. Только тогда она сможет предложить человечеству спасительный русский цивилизационный проект.

И здесь мы подходим к формулированию **русской идеи**, точнее **русской цивилизационной идеи, национальной идеологии**, вытекающей из наших представлений об образе желаемого будущего для нашего Отечества, русской цивилизации, соотношенной с нашими традиционными базовыми ценностями, историческим самосознанием русского общества, душой народа, его верой.

На мой взгляд, русской идеей, национальной идеологией в современных условиях является **воссоединение русских в едином Отечестве, сбор русской цивилизации, русского мира**. Еще Платон говорил, что все существующее имеет свою идею. Она должна быть и у русских как великая русская мечта, объединяющая и мобилизующая русскую нацию на достижение поставленной цели, на отпор внешним и внутренним деструктивным силам, которые стремятся окончательно разрушить русскую цивилизацию.

Задача воссоединения русских трудновыполнимая, сверхсложная не только в силу геополитических причин, но и из-за **укорененной разобщенности русских**, отсутствия между ними цивилизационного согласия. Русские всегда к инородцам относились лучше, чем к своим сородичам. Несколько тому примеров.

Историк, писатель и психолог П.И. Ковалевский с горечью отмечал, что *«главное у русских — ссоры, свара и вражда между собой»*. Он считал эти качества прирожденными.

Дошли до нас и умозаключения юродивого царя Петра III Тихона, который говорил: *«Нам, русским, не надобен хлеб — мы друг друга едим и тем самым сыты бываем»*.

А кто не знает поговорку: «Бей своих, чтобы чужие боялись».

А анекдот: «Ты сидел и я сидел, давай и Ивана посадим».

Меня, к слову сказать, до сих пор поражает тот факт, что большинство репрессированных в советское время стали жертвами доносов и клеветы близких им людей, товарищей по партии, сотрудников карательных органов.

А кто из нас, подвижников, не прошел через муки попыток объединения патриотов?

Весьма зримо проявляется **предельная разобщенность русских, живущих за границей**. Только условно русские общины в странах СНГ и Балтии можно назвать таковыми. Они не способны сообща отстаивать свои интересы. Справедливо ощущая себя брошенными Большим Отечеством — Россией, они устраниются от ее защиты, находясь на передовых рубежах. Отсюда вытекает настоятельная необходимость этнокультурной, политической **консолидации**, большего внимания к вопросам взаимного уважения, понимания друг друга, преодоления разобщенности, любви к ближнему. Последуем же призыву русского поэта и дипломата Ф. И. Тютчева, с которым полтора века назад он обращался к славянам:

Вековать ли нам в разлуке?

Не пора ль очнуться нам

И подать друг другу руки

Нашим кровным и грузьям?

Без этого нам не укрепить русский мир, не достигнуть цивилизационного единства русских, украинцев, белорусов, духовно русских инородцев. Надо отказаться от ущербной мифологии, **будто бы Россия обойдется без Украины, Беларуси, Казахстана, других бывших союзных республик, на территории которых проживают этнические русские или русские по духу**. Человечество сегодня выживает крупными конгломератами, насчитывающими сотни миллионов людей. Объединяется Европа. Те же процессы идут в Латинской Америке, в Африке. У России очень мало шансов выжить в нынешних границах, без цивилизационного объединения русских в той или иной форме. Нужна большая кропотливая, каждодневная информа-

ционно-пропагандистская работа и другие мероприятия, чтобы консолидировать русских на принципах цивилизационного сотрудничества, согласия и самоидентификации.

Организационные проблемы русских общин в Центральной Азии

Существующая тенденция к сокращению русского мира в странах центральноазиатского региона обусловлена как причинами естественного, объективного характера, так и некоторыми искусственно создаваемыми факторами. Естественное сжатие русского общественно-политического, культурно-образовательного и информационного пространства связано с распадом социально-экономической среды существования русского населения (развал научно-промышленного сектора), с процессами самоопределения титульных народов региона, резким уменьшением численности русскоязычного населения и миграционными процессами.

Вместе с тем на протяжении всего постсоветского времени, а в отдельных случаях и в поздний советский период, можно наблюдать и искусственное вытеснение представителей русского этноса практически из всех ключевых сфер общественной жизни во всех без исключения странах Центральной Азии. Актуализировавшиеся в настоящее время задачи сохранения русскоориентированного центральноазиатского пространства как части общего культурного, гуманитарного пространства стран региона, обуславливают необходимость критически оценить состояние и перспективы русского мира в регионе.

Другими словами, сегодня актуальной является задача исследования того, что может быть названо русской общностью (или русской общиной) центральноазиатского региона. Попутно необходимо отметить неуместность применения к данной общности понятия «диаспора», практикуемого многими авторами. Диаспора, как известно, это устойчивая совокупность людей единого этнического или национального происхождения, живущая за пределами своей исторической родины и имеющая социальные институты для поддержания и развития своей общности. положение российских соотечественников в республиках бывшего СССР не может быть описано с

помощью концепции диаспоры. Диаспора — это община, проживающая на территории, исторически не принадлежащей народу, частью которого она является. Русские, проживающие за рубежами России, но в пределах границ СССР, находятся на территории, исторически им принадлежащей и веками находившейся в составе империи. Эти русские не эмигрировали за пределы своего государства, это государство не по их воле вдруг неожиданно уменьшилось и они оказались за границами собственно России. Это в абсолютно той же степени относится и к узбекам, да и ко всем остальным. Более точным представляется определение французской исследовательницы этой проблематики Марлен Ларюзель. По ее мнению, та или иная этническая община может быть названа «диаспорой», если выполнены следующие условия: 1) общность этнического самосознания, 2) объединение общины в рамках определенной общественной и экономической организационной формы, 3) особая связь со страной, рассматриваемой в качестве «родины, отечества». В случае с русскими в постсоветских странах упомянутые элементы частично или совсем отсутствуют: например, ощущение этнического единства развито у активистов, однако чаще всего отсутствует у большинства русских. Наши соотечественники — явление уникальное. Часто встречаются попытки сравнивать положение русских в бывшем СССР с положением представителей бывших метрополий в колониях после распада колониальных империй — Великобритании, в первую очередь. Но это принципиально неверный подход. Среднюю Азию Россия, по большому счету, не завоевывала. Русские, живущие здесь, никогда не чувствовали себя временщиками, колонистами, и, по сути, не были ими, любая из бывших союзных республик была для них частью большой Родины, а в некоторых случаях, как, например, в Северном Казахстане, на Украине, — и как территорию своего исторического расселения. И для них эта территория была и остается их Родиной.

Общий анализ сегодняшнего состояния этой общности позволяет выделить ряд характеристик, в той или иной степени свойственных русским общинам всех стран центральноазиатского региона, хотя ключевым примером берется в основном Киргизия.

Первой из них является пресловутая разрозненность, практически полное отсутствие любых вертикальных связей между различными социальными категориями. Понятно, что эта общность не может быть — просто по факту — неким корпоративным сообществом, это может быть только не очень жестко структурированный союз разнообразных корпораций. Но выживет и станет полноценной та общность, которой удастся соединить интересы различных социальных групп, в нее входящих. Прежде всего, как наиболее важные в качестве идентификационных, — это интересы тех, кто является хранителем этнокультурного наследия. Это, без сомнения, остатки интеллигенции. Во-вторых, это те, кто обеспечивает экономическую основу выживания общины, включая и создание рабочих мест для соотечественников. И, в-третьих, это те, кто создает общественно-политические условия для сохранения этнической общины. Это могут быть партийные группы, депутаты в местных представительных органах и так далее.

Пока в странах региона отдельно существует русское сельское население, своими интересами и мотивациями живет городская русская интеллигенция, точно так же, изолируясь от других групп соотечественников, в Киргизии, например, существует значительный слой русских, занятых в сфере торговли, малого и частично среднего бизнеса. Абсолютно уникальной, хотя и весьма малочисленной, категорией является русская номенклатура. И в этом плане очень показателен пример той же Киргизии, где в постсоветский период можно увидеть не так уж и мало русских на весьма высоких государственных должностях. Это обстоятельство не имеет ни малейшего отношения к собственно русским в республике. Участие отдельных представителей в структурах власти, скорее исключение, а не правило, и по сути — это попытки создать иллюзию того, что политическая жизнь республики имеет полиэтничный характер. В этом контексте любопытно выглядит уже устоявшийся феномен «русского премьера» в Киргизии, образ, активно эксплуатируемый в СМИ как некий знак прорусскости и пророссийскости киргизского руководства, но в реальности таковым отнюдь не являющийся.

Другая важная характеристика — отсутствие связей между существующими организациями российских соотечественников и собственно соотечественниками. Это утверждение в малой степени распространяется на организации нерусских этнических общностей, относимых к россиянам — татарам и башкирам, представителям народов Северного Кавказа, и другим, относимым к категории «этнических россиян». Но, скажем, в Киргизии проявляют себя около двух десятков организаций российских соотечественников, это минимум. Каждая из них распространяет свою активность в лучшем случае на одну-две-три тысячи человек — при самых оптимистических расчетах. В большинстве же случаев численность задействованных в этой активности людей исчисляется не более как сотнями. Все эти организации не оказывают какого-то заметного влияния на ежедневную жизнь людей, и люди в основной своей массе просто не знают о них. Люди существуют, объединяются или эмигрируют в рамках личных, семейных или профессиональных связей. Нельзя отнести к диаспоре любую группу лиц определенной национальности, если у них нет внутреннего стимула, потребности к самосохранению, что, в свою очередь, предполагает соответствующие организационные формы реализации этой потребности. Этих организационных форм нет, а существующие являются скорее имитацией, обеспечивающей необходимый социальный статус активистам, большинство из которых составляет группу так называемых «профессиональных соотечественников», рекрутируемых по стечению ряда обстоятельств преимущественно из числа социальных неудачников.

Парадоксально, но вся работа с российскими соотечественниками, ведущаяся по линии МИД РФ (прежде всего, это, конечно, касается посольств), сконцентрирована именно на юридически оформленных организациях, то есть, является по существу сугобо формальной. Получается, что эта работа, заметно активизировавшаяся в последние годы, затрагивает лишь очень малую часть русской общины, а также отдельные институты, каковым, например, в Киргизии является Киргизско-Российский Славянский университет.

Одной из причин происходящего, вне всякого сомнения, необходимо считать неизученность русской общины, отсутствие сколько-нибудь научной, объективной картины этого явления — демографической, социологической и других. Все имеющиеся оценки, к которым нередко апеллируют те или иные субъекты этой сферы (организации соотечественников, представители посольств и местных госструктур) в подавляющем большинстве случаев умозрительны, основаны на непрезентативной подборке фактов, не учитывают динамики происходящих изменений. Это обстоятельство, кстати, в определенной мере лежит и в основе тех недостатков, которые испытывает в своей реализации — при всем энтузиазме работников представительств ФМС РФ — программа содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. При том, что интересы разных групп русских, проживающих в Средней Азии достаточно разнообразны, вовлечение их в эту программу тоже должно быть дифференцированным, но картины этого разнообразия попросту нет.

Не учет обозначенных и ряда других факторов существования русских общин в странах центральноазиатского региона создает условия для дальнейшего усиления этнократического давления на нетитульное население республик региона в целом, и на русских в частности. В этой ситуации странным выглядит то обстоятельство, что Россия продолжает отказываться от какого-либо увязывания своей политики по отношению к конкретной стране с положением российских соотечественников в этой стране. Использование возможностей диаспор и родственных этнических групп для лоббирования тех или иных интересов страны является нормальной политической практикой современного мира. Столь же нормальной, хотя и менее распространенной, является практика защиты прав этнических соотечественников, проживающих на территории другой страны. У России, имеющей огромное количество жизненно важных для нее интересов на постсоветском пространстве, нет никаких причин к тому, чтобы не использовать эти возможности. Пока же российские соотечественники, помимо иного, — это не используемый Россией ресурс в диалоге со своими постсоветскими партнерами.

Русский вопрос и русское государство на современном этапе

Русский вопрос (совокупность жизненных проблем развития русского народа, проблем в его отношениях с государством, с другими народами) и успехи в его решении во многом способствовали бы укреплению российской государственности, оздоровлению всей сферы межнациональных отношений в стране. Этот вопрос во многом определяет действенность государственной национальной политики, прочность федеративного устройства государства. В отечественной истории федерализм связывался исключительно с национальным вопросом. В свое время полагали даже, что в однопациональных государствах федерализм «не имеет смысла»¹.

Осмысление исторического пути русского народа через драматический XX век приводит к убеждению, что коренная причина разрушения Российской Империи в 1917 и Советского Союза в 1991 годах заключается в отчуждении между государством и русским народом, в равнодушии наиболее многочисленного народа к судьбе «империи», утрачивающей способность к выражению и защите его национальных интересов и ценностей. Советская национальная политика, как и национальная политика царского самодержавия, по-настоящему не состоялась, потому что объектом и субъектом этой политики не стала русская нация. Русский народ в массе своей не рассматривал страну как свое национальное государство, поэтому не стал защищать ее от распада ни в 1917, ни в 1991 году.

Тезис известного генерала, секретаря Совета безопасности РФ А.И. Лебеда о том, что «Россия начинает осознавать себя не как космополитическая (интернационалистическая) империя, а как национальное государство»², и в наши дни остается скорее мечтой о будущем, чем констатацией факта. Правы те, кто считает, что у нас не было национального государства, нам его

---

1 Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 года. М., 1984. С. 90.

2 Лебедь А.И. Закат империи или возрождение России // Сегодня. 1996. 26 апреля. С. 6.

еще только предстоит создать, если мы соберемся это сделать³.

Глубокое противоречие между русской нацией и государством в нынешней Российской Федерации сохраняется. И если не понять, что политика должна быть направлена прежде всего на возрождение культуры и традиций, самосознания, патриотизма русского народа (79,8 % населения страны, вместе с украинцами и белорусами — 82,4 %) ⁴, то на успех в решении национального вопроса и упрочение России как многоэтнического государства рассчитывать не придется. Конечно, это не значит, что решение возможно за счет интересов нерусских народов. Это всего лишь подчеркивает насущную необходимость поиска более совершенных государственных форм, позволяющих органично соединить национальное и наднациональное, особенное и общее в единой многоэтнической стране.

Россия, унаследовавшая советскую форму национально-государственного устройства, оказалась единственным на постсоветском пространстве государством, в котором не обозначен (де-юре или де-факто) государствообразующий народ. В этой связи обращает на себя внимание характерный для современного либерального сознания нигилизм троякого рода: 1) в отношении общности российских народов, 2) в отношении наций как таковых, 3) в отношении ведущей, государствообразующей роли русского народа в отечественной истории.

В первую очередь стоит отметить нигилизм в отношении такого исторического феномена как «советский народ — новая историческая общность». С непредсказуемым раздроблением этого, по выражению советских времен, «монолита» многие теоретики-«нациеведы» поспешно объявили «новую общность» заурядным мифом, не имеющим никакого отношения к реальности. Нигилизм в данном случае неоправдан, иначе не возникло бы ни необходимости, ни возможности в объявлении одного (самого крупного) из фрагментов былого

---

3 См.: Иванов А.М. Бесплотный «русский дух» // Расовый смысл русской идеи. Вып. 1. М., 2000. С. 79.

4 Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2003. С. 13.

«монолита» новой гражданской или политической «российской нацией»⁵.

Крах советской национальной политики и судорожные поиски новых подходов к решению «проклятого» (по выражению И. В. Сталина) национального вопроса возродил нигилизм в отношении традиционного понимания нации и этноса. Глава современных российских «нациеведов» В. А. Тишков (член-корреспондент РАН, руководитель профильного академического института, первый министр по национальной политике в «эпоху Ельцина») будоража теоретическую «смуту» («разруху в головах») призывает «забыть о нации», исполнить «реквием по этносу» (именно так называются его программные научные публикации постсоветских лет)⁶ и расчистить теоретическое поле для признания и развития «российской гражданской нации», трансформирующейся части бывшей общности «советский народ»⁷.

Еще один теоретик «российской нации» Р. Г. Абдулатипов (философ по образованию, в прошлом заведующий сектором Отдела национальных отношений ЦК КПСС, министр национальных дел при Б. Н. Ельцине), осуждая национал-нигилизм своего предшественника, более всего озабочен угрозой для «российской нации» со стороны великорусского национализма

---

5 Выступая на рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений в феврале 2004 г. в г. Чебоксары, Президент РФ В.В. Путин говорил: «Еще в советские времена говорили о единой общности — советском народе. И были под этим определенные основания. Полагаю, что сегодня мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации» (Российская газета. 2004. 6 февраля).

6 Тишков В. А. Забыть о нации (пост-националистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–26; Он же. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. Утверждается, что «нация — придуманная категория, она не укоренена ни в природе, ни в истории», означает всего лишь «продукт устремления националистов к власти и использования плодов политической борьбы» (Бордюгов Г. А. Современное российское историознание: Основные черты и тенденции // Отечественная история: (Материалы к лекциям для слушателей ИППК МГУ). М., 2006. С. 391). Авторы возвращают нас к лету 1866 г., когда видные деятели I Интернационала в своих выступлениях за мир в условиях австро-прусской войны за главенство среди германских государств объявляли «войну устаревшей, национальности — бессмыслицей» (последовали П.-Ж. Прудона), доказывали, что «всякая национальность и самая нация — устарелые предрассудки» (П. Лафарг, другие представители «молодой Франции») (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 31. С. 187, 193).

7 О перипетиях становления и трансформации этой общности см.: Вдовин А.И. Российская нация: Национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея. М., 1995. 2-е изд. — 1996.

и признания русского народа государствообразующей нацией. В этом пункте в наше время обнаруживается трогательное единство значительного числа коммунистов-«нациеведов» и их идейных противников — либералов.

Судя по недавно изданной книге⁸, Абдулатипов умудряется видеть причину наших нынешних межнациональных неурядиц в уклонах от интернационалистской линии и бичевать всякого, включая лидера КПРФ⁹, за расходящиеся с этой линией подходы к пониманию и решению национального вопроса. По представлениям этого автора — надо было всего лишь четче вести «линию» в прошлом, при социализме, и оставаться интернационалистами ныне, в условиях господства частной собственности и капиталистического рынка. По существу — ограничиваться в национальной политике призывами «жить дружно» (принцип небезызвестного Леопольда), не уклоняться к национал-сепаратизму, а пуще всего — не допускать великорусского национализма. При этом русскому народу — оставаться «опорой российской государственности», энергичнее заботиться о выравнивании уровней развития национальностей в РФ, не ущемлять нацменьшинства.

Было время, когда Абдулатипов совершенно справедливо писал: «Могу заверить: издать книгу о русской нации еще недавно было просто невозможно... "Русская" тема была запретной, хотя аналогичные материалы, касающиеся жизни других народов, публиковались регулярно. Чисто этнологические и этнокультурные работы, посвященные русским, время от времени выходили, но на фундаментальные труды по социологии и политологии русской нации было наложено табу. Любое проявление этнического самосознания русских почему-то пугало, сразу раздавались истошные вопли о русском шови-

---

8 Абдулатипов Р.Г. Российская нация: Этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях. М., 2005.

9 Фактически осуждается его высказывание о том, что «по мере обострения демографической катастрофы и деградации общественной морали в стране будет неизбежно нарастать вал русского национализма — ответная реакция великого народа на все более явную угрозу своему существованию», а также признание важности тезиса Г. Киссинджера о неминуемости взрыве национализма — реакции на унижение тем, что «русские потеряли созданную ими огромную империю» (Зюганов Г.А. География победы. М., 1997. С. 162; Абдулатипов Р.Г. Российская нация. С. 272).

низме»¹⁰.

Но, странное дело, стоило появиться книге, в которой более или менее обстоятельно рассматриваются реальные проблемы истории и современного положения русского народа, Абдулатипов первым исполнил громкие критические рулады и сурово порекомендовал «своему другу В. Ю. Зорину и его соавторам в достаточно фундаментальной книге "Русский народ в национальной политике XX в."¹¹ не впадать в своих оценках в начале XXI века в болото национал-шовинизма начала XX века, анализируя может быть не всегда благополучную политическую историю России, а заняться изучением этнонационального самосознания, этнонационального самочувствия и этнонациональных устремлений русского и других народов нашей страны в современных условиях»¹².

Иначе говоря, бывший функционер ЦК и министр национальной политики, по-прежнему предпочитает по существу игнорировать важнейший вопрос, сводя его к необходимости русскому народу поддерживать некое бодрое «национальное самочувствие» без изменения реального положения и роли в государстве и обществе. Согласно разработанной с участием Абдулатипова «Концепции государственной национальной политики Российской Федерации», «межнациональные отношения в стране во многом будут определяться национальным самочувствием русского народа, являющегося опорой российской государственности»¹³. Это «самочувствие», а не русский вопрос и предлагается изучать, хотя, как шутят на этот счет некоторые знатоки российской повседневности, и без исследований понятно, что самочувствие у народа по утрам «после вчерашнего» не всегда удовлетворительно. Однако ситуация с национальным вопросом в стране и с русским вопросом в частности на современном этапе перехода от социализма к капита-

---

10 Абдулатипов Р.Г. Власть и совесть: Политики, люди и народы в лабиринтах смутного времени. М., 1994. С. 147.

11 Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Русский народ в национальной политике. XX век. М., 1998.

12 Абдулатипов Р.Г. Российская нация. С. 290.

13 Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 15 июня 1996 г. // Национальная политика России: История и современность. М. 1997. С. 659.

лизму очень далека от шуток и вряд ли ее можно решить по рецептам советских времен.

Напомним, что в марксистской традиции именно с зарождением капитализма связывалась экспансия национальной идеи, образование и развитие и наций и национализма. Позднее, при развитом капитализме, прослеживается новая тенденция — к ломке национальных перегородок, к исчезновению национальной обособленности, к стиранию национальных различий¹⁴. Переход общества к социализму предполагал окончательное преодоление таких различий. Ф. Энгельс писал: «Национальные черты народов, объединяющихся на основе принципа общности, именно в результате этого объединения неизбежно будут смешиваться и таким образом исчезнут точно так же, как отпадут всевозможные сословные и классовые различия вследствие уничтожения их основы — частной собственности»¹⁵.

«Целью социализма, — полагал В. И. Ленин, — является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их»¹⁶. Учителя марксизма были убеждены, что «даже естественно возникшие родовые различия, как, например, расовые... могут и должны быть устранены историческим развитием»¹⁷.

Национальная политика большевиков вдохновлялась этой футурологией и именно она определяла идейные основания их национальной политики. По независимым от большевиков причинам (революция случилась не мировая, а в одной стране) их национальная политика обрела заметное своеобразие: замедленный темп продвижения к конечной цели, расчлененность движения на четыре исторических этапа, признание необходимости «выравнивания» в развитии и «расцвета социалистических наций» на первых из этих этапов. Рожденная революцией политика имела, однако, явный родовой коммунистический вывих. Долгое время ее отличали национальный нигилизм и русофобия. На протяжении всего советского периода истории

---

14 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 444–445.

15 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 360.

16 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 256.

17 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 426.

(пожалуй, за исключением периода Великой Отечественной войны) руководство КПСС больше всего страшилось русского национализма, полагая, что он является непреодолимым препятствием для осуществления коммунистического эксперимента в стране. На современном историческом этапе интернационалистско-русофобские идеи, скрещиваясь с космополитическим нигилизмом в отношении отечеств и наций, неожиданно обретают новые силы и вдохновляют определенную либерально-космополитическую часть российского общества в его устремлениях поскорее изжить «совковое прошлое» и войти в «мировую цивилизацию».

К нашим дням становится все более очевидным, что всякие попытки, опираясь на эти идеи, продвинуться вперед в разрешении национального вопроса и усовершенствовать российский федерализм, при игнорировании национальных интересов и кричащих проблем развития русского народа (например, демографических), обречены на неудачу. Общегосударственные и частнонациональные интересы русского и всякого другого народа России могут быть более надежно, чем ныне, защищены в государстве, построенном как на началах федерации, так и на базе автономии. Дело за выбором между несколькими тщательно проработанными моделями, лишенными явных недостатков нынешнего национально-государственного устройства РФ.

Россия может быть устроена как единое национальное Русское (Русское) государство с национально-территориальными автономиями на территориях с долей коренного населения свыше 50 % и с культурно-национальной автономией для других проживающих здесь же национальных групп. Однако наибольшую внутреннюю устойчивость и единство государство обрело бы при развитии и реализации идеи образования созданных Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. федеральных округов с системой культурно-национальной автономии для всех национальностей как внутри этих округов, так и в общероссийском масштабе.

Система культурно-национальной автономии могла бы выступить формой самоорганизации всех больших и малых

российских народов, эффективным механизмом выявления и реализации их национальных интересов. В качестве реальной альтернативы фактически оставшейся от прошлого иерархической системе национально-территориальных образований культурно-национальные автономии позволили бы создать действенный механизм устранения межнациональной напряженности и ослабления межнациональных противоречий. Самоуправляющиеся и избираемые Национальные Советы в данном случае стали бы эффективными властными структурами, решающими собственно национальные — культурные, образовательные, религиозно-этнические задачи. В рамках же единой российской государственной общности по такому же принципу мог быть избран Совет Национальностей РФ, вырабатывающий и координирующий в системе Федерального Собрания РФ все вопросы межнационального взаимодействия в стране.

Условием действенности диалога народов между собой и с государством является предварительная фиксация принадлежности жителей страны к определенному Национальному Союзу (собственному народу, этнонации). В этом случае у каждой нации появлялась бы реальная возможность избирать собственные представительные органы (Национальные Советы), правомочные выражать и отстаивать национальные интересы в отношениях с другими народами и при решении общегосударственных вопросов.

В такой модернизации российского федерализма мог бы найти свое решение «русский вопрос», получить воплощение Русская (Российская) идея. Русская идея — это не только осознание русскими людьми своей идентичности и общего пути, но также обязанность строить гуманное и справедливое общество. Аналогичная идея есть (должна быть) у каждого из российских народов. Известно, что в отличие от национальных интересов (-того, что каждый народ желает для себя) национальная идея представляет более универсальную систему ценностей. Это то, что полагается существенным и важным не только для своего народа, но и для всех. Интеграционной Русская идея может стать, если будет приемлемой для всех российских народов. Ее смысл — в осознании необходимости отыскания народами России новой формулы российской государственности, способов

совместного преодоления кризиса, выживания, взаимообогащения, достойного сосуществования в единой государственной общности и в рамках единой гражданской (политической) нации. При этом важно с самого начала исключить возможность национал-нигилистского толкования общности, как это было, например, при выборе наименования большевистской партии. «Партия, — писал ее создатель, — чтобы уничтожить всякую мысль о ее национальном характере, дала себе наименование не русской, а российской»¹⁸.

В качестве первых шагов к цивилизованному решению национального вопроса в Российской Федерации следовало бы придать законную форму (включить соответствующие положения в государственную концепцию национальной политики, в лексикон руководителей страны, в разрабатываемые законы об основах межнациональных отношений, о русском народе и др.) ряду положений, которые могли бы составить идейное основание государственной национальной политики.

1) *Официально осудить и отказаться от национального нигилизма и космополитизма*, проявляющихся ныне в предложениях предать забвению традиционное понимание нации, этноса, в запрете указания национальности в паспортах, в необязательности фиксации национальности при переписях населения.

2) *Признать благотворность национализма и патриотизма* в их однозначном трактуемых цивилизованных формах: патриот это тот, кто любит свою Родину и отстаивает ее интересы; националист — тот, кто любит свою нацию и отстаивает ее интересы. Отделить эти понятия от шовинизма и фашизма, порой сознательно смешиваемых в либеральном сознании и СМИ. Шовинист — тот, кто утверждает интересы своей родины и нации за счет других народов и их государств. Фашист — тот, кто не только утверждает интересы своей нации за счет других народов, но призывает к их подчинению (порабощению) и искоренению. Национальный патриотизм в его изначальном, неиспоганенном троцкистами и космополитами смысле должен почитаться наравне с великими словами Гражда-

---

18 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 267.

нин, Патриот России. Эти понятия могут противопоставлять только злонамеренные люди. В этой связи стоило бы напомнить о коренном изменении в понимании национализма, к которому пришел И. В. Сталин в мае 1941 года, накануне Великой Отечественной войны: «Нужно развивать, — призывал он, — идеи сочетания здорового, правильно понятого национализма с пролетарским интернационализмом... Безродный космополитизм, отрицающий национальные чувства, идею родины, не имеет ничего общего с пролетарским интернационализмом. Этот космополитизм подготавливает почву для вербовки разведчиков, агентов врага»¹⁹. Устаревшим в этом сталинском положении является жесткая связь интернационализма с пролетариатом, отрицанием частной собственности. Спасительная роль русского национального патриотизма в Великой Отечественной войне общеизвестна.

3) *Соответствующим образом организовать нации, их представительные органы, что позволило бы рассматривать народы как субъекты права. Созданные в этих целях Национальные Советы позволили бы не только внести полную ясность в перечень и численность национальностей, проживающих в России, но также выявлять, представлять и защищать их интересы как в отношениях между народами (в межнациональных отношениях), так и в отношении народов с государством.*

4) *При формировании органов государственной власти (представительной, исполнительной, местной) руководствоваться демократическим принципом национально-пропорционального представительства. Установить, что отклонение от этого принципа в большую сторону не может быть более чем в 1,2 раза от доли конкретной национальности в населении страны, в конкретном регионе. Предельный коэффициент объективно обусловлен. При такой перепредставленности самого многочисленного русского народа во властных структурах (шире — в любой социально значимой организации, страте) представителям других народов в этих структурах не оставалось бы места. Другие национальности также могли бы*

---

19 Цит. по: Марьина В.В. Дневник Г. Димитрова // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 42.

принять этот коэффициент как определенный, вполне соответствующий принципу равноправия и социальной справедливости моральный и правовой ограничитель. Перепредставленность (засилье) одних означает недопредставленность (ограничение возможностей) других и, как правило, воспринимается в многонациональной структуре негативно. Игнорирование необходимости соблюдения определенных пропорций в органах государственной власти, в «номенклатуре», в высших слоях интеллигенции приводило и приводит к попыткам «узаконить» приниженную роль русского народа в государстве. Например, на обложках внушительных по объему книг (чтобы можно было усвоить главную мысль, даже не раскрывая книгу) в укор русским напечатано: «Евреи вынуждены были в России стать диссидентами, революционерами, олигархами, а теперь вот и государственниками, потому что русские продолжают от этого воздерживаться. Им, кажется, гораздо больше нравится наблюдать за тем, как в очередной раз оплошают государственники. Иногда кажется, что на Россию не махнули рукой только евреи — все копошатся, все чего-то им надо, и это заставляет думать, что коренным населением России являются именно они»²⁰.

5) *Официально узаконить, что русский народ является государствообразующим народом РФ.* Это означало бы, что Российская Федерация является не только государством многонационального российского народа (российской политической нации), но и русским национальным государством. В этом случае «Российская Федерация» выступала бы синонимом названия «Русское государство». Все российские народы имели бы ясное представление о принципах организации общегосударственных учреждений; русский народ официально выступал бы гарантом свободы культурно-национального развития всех проживающих в России народов на основе равноправия, социальной и национальной справедливости. Отпадали бы всякие опасения лозунга «Россия для русских», в котором, по данным социологических опросов, не видят ниче-

---

²⁰ Рабинович Я.И. Быть евреем в России: Спасибо Солженицыну. М., 2005: Он же. Россия еврейская: Еврейский ответ на извечный русский вопрос. М., 2006.

го предосудительного 60 % россиян и среди них более 85 % русских²¹. Цифры означают, что россияне воспринимают этот лозунг с позиции здравого смысла: «Россия для русских в такой же мере, как и для всех россиян», а вовсе не как «Россия только для русских» или «Россия только для национальных меньшинств или иммигрантов».

Окончательно освободившись от национального нигилизма и русофобии, россиянам (в первую очередь власть предержащим), действительно пора, как призывают наши наиболее вдумчивые сограждане (ученые, мыслители, публицисты и широчайшие массы стихийных «государственников из народа»), осознать, что «Россия может быть только государством русского народа или ее не будет вовсе»²².

---

21 См.: Абдулатипов Р.Г. Российская нация. С. 50.

22 Соловей В.Д. Русская история: новое прочтение. М., 2005. С. 312.

Национальная идентичность русской диаспоры как элемент сохранения исторической России

После распада Советского Союза Россия проходит нелегкий путь становления своей новой государственности. С геополитической точки зрения становление Российской Федерации в последние шестнадцать лет, является частью непрерывного развития Исторической России, формирование которой началось в период Киевской Руси.

В ходе государственного строительства в России огромную роль играет конструирование новой символической истории русского народа, которая напрямую связана с проблемой русской идентичности. Модификация символических параметров в пространстве политического центра является тем индикатором, который показывает изменения в политической стратегии центральной власти.

Проблема, связанная с изучением этноса и нации, активно разрабатывалась в советский период. Однако сегодня произошел сдвиг от направления изучения проблем нации, этноса в сторону исследования вновь возникающих социальных явлений: национализм, этноцентризм, идентичность и т. п.

Основными причинами этих изменений являлись не только внешние факторы, которые стали результатом встречи российских интеллектуалов с новыми конструкциями западной мысли, но и внутренние. Практически всем странам на постсоветском пространстве пришлось столкнуться с новыми социальными феноменами, порожденными изменившейся социально-политической реальностью.

Рассматривая проблему нации, национализма и идентичности в отечественных и зарубежных научных исследованиях, можно выделить три ведущих направления. Это:

1. Теория рационального выбора (или рационального инструментализма) Г. Бейкера, М. Бэнтона, Б. Миллера, Д. Стиглера, М. Хэчтера, М. Чви, Д. Чонга, Дж. Шоберлайна и др., в основе которой заключены такие параметры, как предпочте-

ния, стимулы и интересы индивидуумов, используемые при объяснении вопросов, связанными с вышеназванными понятиями.

2. Теория примодиализма, с которой связаны такие имена как К. Гирц, Д. Кэмбэлл, Б. Рочстейн, Э. Смит, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон, Р. Ховард, Э. Шилз. В основе теории лежит концептуальная идея о том, что идентичность превосходит интересы и предпочтения в объяснении того, как происходит социальная мобилизация в таких социальных общностях, как этнос и нация. С точки зрения примодиализма вера, ценностные нормативы, исторические ритуалы, символы представляют стимулы и интересы. Для примодиалистов этнические категории изначальны и связаны с внерассудочной идентификацией людей со своей этнической группой.

3. Теория конструктивизма Б. Андерсона, Э. Геллнера, Р. Йосифа, Ш. Крочера, Б. Максвини, П. Престона, В. Тишкова, Э. Хобсбаума и др., для которых появление наций — процесс создания и конструирования, завершившийся в недалеком прошлом.

Наряду с этим необходимо отметить исследования — В. Биман, Р. Бэйтс, М. Вебер, К. Коллинс, М. Кэхлер, М. Леви, М. Личбач, М. Субрата, Ф. Фукуяма, А.Халид, Дж. Чекель, в которых рассмотрение проблем национальной идентичности кардинально отличается от большинства западных философских школ. В них отражен многоуровневый подход, включающий в себя разные методологические направления.

Оценивая исследования в области русской идентичности, необходимо отметить, что их общим недостатком является слабая проработка таких вопросов как соотношение проблем идентичности с ходом государственного строительства в России в разных ее измерениях: культура и идентичность, религия и идентичность.

До сих пор отсутствует целостная (включающая в себя методологический, исторический, социально-политический и социально-философский аспекты), концептуальная работа,

исследующая русскую идентичность и ее влияние на ход государственного строительства в России.

Настоящая работа написана на основе многолетнего «включенного наблюдения», обобщения и интерпретации эмпирических данных, а также на основании анализа доступного статистического и другого документального материала (правового, лингвистического и т. д.).

Целью данного исследования является определение структуры и функции национальной русской идентичности в среде русской диаспоры (в основном, на примере русской диаспоры в Средней Азии¹) как элемента единой нации на территории Исторической России. При этом автор исходит из мнения, что идентичность - есть параметр сознания, фиксирующий отождествление субъекта или группы с важными социально-культурными историческими событиями, мифами и ритуалами своего рода и этноса, что ведет к установлению моделей для социального поведения и действия субъектов или групп, включенных в процесс поиска своей идентификации.

Идентичность, в отличие от национального и этнического самосознания, включает в себя не только рациональные, но и внерассудочные (ментальные) параметры сознания. Исследуя ее, важно определить не то, что есть идентичность (как это делают большинство современных ученых, работающих в этой области), а то, как она образуется.

Идентификация (от лат. *identificare* — отождествлять), в отличие от идентичности — есть способ, посредством которого определяется отождествление чего-либо с чем-либо.

Существуют следующие подходы к исследованию проблемы идентичности: идентичность как данность (теория примодиализма); идентичность избираемая (теория рационального выбора или рационального инструментализма), идентичность сконструированная (теория конструктивизма).

В условиях диаспоры идентификация этноса является важнейшим условием ее существования в стране проживания. Автор исходит из определения диаспоры, как «части этноса,

---

¹ В понятие «Средняя Азия» автор включает нынешние государства Узбекистан, Таджикистан, Киргизию, Туркмению, Казахстан т. е. государства, титульные нации которых считаю своей историко- культурной основой ислам.

проживающего за пределами своего национального государства»². Ряд исследователей полагает, что диаспоры идентичны понятию субэтноса. При этом подразумевается, что он включает в себя «территориальные части народности или нации, отличающиеся локальной спецификой разговорного языка, культуры и быта (особое наречие или говор, особенности материальной или духовной культуры, религиозные различия и т. п.), имеющие иногда самоназвание и как бы двойственное самосознание»³.

Все перечисленные дефиниции тождественны понятию так называемой этнической группы: а именно, диаспора определяется как часть народа (этнической общности), проживающая вне страны его происхождения, имеющая общие этнические корни и духовные ценности⁴.

Системообразующие признаки дефиниции понятия диаспоры уже содержат в себе элементы национальной индентификации, такие как: 1) этническая идентичность; 2) общность культурных ценностей; 3) социокультурная антитеза, выражающаяся в стремлении сохранить этническую и культурную самобытность; 4) представление (чаще всего в виде архетипа) о наличии общего исторического происхождения. С точки зрения политологического анализа, определяющего место диаспор в системе политических институтов, важно не только характерное для диаспор осознание себя частью народа, проживающего в ином государстве, но и наличие собственной стратегии взаимоотношений с государством проживания и с исторической родиной (или ее символом), формирование институтов и организаций, деятельность которых направлена на сохранение этнической идентичности. Иными словами, диаспора в отличие от этнической группы, всегда институцирована и несет в себе не только этнокультурное, но и этнополитическое содержание⁵.

---

2 Полоскова Т. Современные диаспоры: внутривосточные и международные аспекты. М., 2002, С. 17.

3 Этнические процессы в современном мире. М., 1987, С. 11.

4 См: например, Большой Энциклопедический словарь М., СПб., 1997, С. 354.

5 Полоскова Т. Современные диаспоры: внутривосточные и международные аспекты. М., 2002, С. 18.

Главным понятием, лежащим в основе формирования диаспор, является этническая идентичность, вытесняющая такие системообразующие факторы, как общий язык и религия. Именно этническое самоопределение - есть основной признак принадлежности к диаспоре, в основе которого лежит этническое самосознание.

Таким образом, автор исходит из положения, что диаспора — это этно-культурный и этно-политический феномен, определяемый как совокупность этнических групп, проживающих за пределами «титульного» государства, для которых характерны следующие признаки:

- 1) множественная этническая самоидентификация, предполагающая наличие этнокультурной связи и со страной проживания, и с этнической родиной;
- 2) существование институтов, призванных обеспечить сохранение и развитие диаспоры (национальные общины, координационные советы, культурные центры и т. д.), в том числе международного характера;
- 3) наличие стратегии взаимодействия с государственными институтами, как страны проживания, так и своей этнической родины.

Таким образом, этническая самоидентификация для диаспоры является первым и важнейшим элементом существования. Особое значение этот фактор приобретает в условиях существования диаспоры в иноверческой и инокультурной среде. Названное положение дел полностью соответствует существованию русской диаспоры в Средней Азии.

Русская диаспора начала формироваться в регионе в 1860-е годы, по мере присоединения отдельных территорий к Российской империи или вхождения среднеазиатских государств в вассальную зависимость от России. При строгом подходе к теме, диаспорой можно считать и некоторое количество наших соотечественников (до нескольких тысяч человек), проживавших в среднеазиатских государствах и до этого: похищенные в пограничных районах крестьяне, проданные в рабство; военнопленные; беглые крестьяне и преступники. Однако при наличии первого из перечисленных признаков диаспоры, эта категория не имела «стратегии взаимодействия со своей этниче-

ской родиной», что выводит ее за рамки исследования.

По данным князя В. И. Масальского (которые были доведены до научной общественности в 1913 году), православное население Туркестанского края в 1897 году составило 3,7 % от общей численности жителей. По национальной принадлежности это были постоянно проживавшие здесь русские и украинские крестьяне-переселенцы, а также городские жители — рабочие и мещане. Военнослужащие частей русской армии, расквартированные в Туркестане, а также члены их семей переписью не учитывались.

Представители «остальных христианских и нехристианских верований», в число которых включались и русские сектанты, составили еще 1 % от населения⁶. Если учесть, что общая численность населения края (при всей приблизительности переписи, проводимой царскими властями в мусульманской среде) составила 5 млн человек, а в число представителей нехристианских верований включалась, прежде всего, сравнительно большая община бухарских (азиатских) евреев, то общую численность русского (великорусского и малорусского) населения можно оценить в 170 - 180 тыс. человек.

Еще меньшее количество русского населения проживало в этот период в двух среднеазиатских государствах, состоявших в вассальной зависимости от Российской империи — Бухарском и Хивинском ханствах. Это были, почти исключительно, рабочие и служащие станций Среднеазиатской железной дороги, частично проходившей по территории Бухарского ханства, а также гражданское население у гарнизонов в городах Термез и Чарджоу⁷. По нашим оценкам, их численность не превышала 10 тыс. человек.

Эти данные, несомненно, несколько устарели даже ко времени их публикации в 1913 году, поскольку за истекшие 15 лет в них фактически не был отражен огромный переселенческий бум. Именно в эти предвоенные годы в Туркестанском крае появляется несколько десятков деревень и хуторов «самочин-

---

6 Россия. Полное географическое описание нашего отечества- т. 19. Туркестанский край. Сост. Князь В. И. Масальский- СПб., 1913, с 48.

7 Дубовицкий В. В., Ю. С. Мальцев. Русские православные в Туркестане(конец XIX- начало XXвв.)// К истории христианства в Средней Азии Ташкент, 1998г., С. 163.

ных» (то есть самовольных) переселенцев из России. Дело в том, что специальным решением русских властей край был закрыт для переселения в 1897 году из-за недостатка свободных земель, но русские крестьяне продолжали ехать сюда самостоятельно, без поддержки Переселенческого управления России⁸.

Что касается русского населения на территории нынешнего Таджикистана, то оно появляется здесь с гарнизонами российской армии, расквартированными в городах Ходжент и Ура-Тюбе, после взятия последних летом 1865 года. Небольшое количество гражданского русского населения появляется в 1880 году рядом с российскими пограничными заставами на бухарско-афганской границе. Среди наиболее крупных поселений можно назвать поселок рядом с пограничным гарнизоном в кишлаке Сарай (ныне г. Пяндж)⁹.

Крестьянского русского населения на территории современного Таджикистана не было¹⁰.

С прокладкой ветки Среднеазиатской железной дороги от Самарканда в Новый Маргилан (ныне г. Фергана) в 1890-е годы на севере современного Таджикистана появляется русское население, состоящее из путевых рабочих и служащих железнодорожных станций. Некоторое количество русского населения (шахтеры, горные мастера и инженеры) появляются в районе пос. Шураб, где начинаются разработки месторождения каменного угля в целях обеспечения топливом локомотивного состава железной дороги¹¹.

Накануне обретения независимости Республикой Таджикистан (РТ), по данным переписи населения 1989 года, оно насчитывало 388 тыс. человек (7,6 % от общей численности населения страны). По данным последней переписи, проведенной в РТ в 2000 году, численность русского населения

---

8 Вошинин В. Очерки Нового Туркестана. Свет и тени русской колонизации.- СПб., 1914. С.29.

9 Логофет Д. Н. На границах Средней Азии. Бухарско- афганская граница. Кн. 3- СПб., 1909, -С. 47.

10 Брусина О. И. Славяне в Средней Азии.- М., 2001, С. 2.

11 Дубовицкий В. В. Русские в Таджикистане: от присутствия к следу в исторической памяти.// Русский мир в Центральной Азии. Сборник статей и материалов. Вып. 1., Бишкек, 2007., С. 55-56.

составляет 68,2 тыс. человек (1,1 % от нынешней численности населения страны)¹². То есть, численность русского населения в стране в период с 1989 по 2000 год сократилась в 5,7 раза. По данным Совета российских соотечественников Таджикистана (-СРСТ), численность российской диаспоры в настоящее время ещё меньше: русских — не более 45 тыс. человек, татар и башкир — около 8 - 9 тыс. человек, осетин — около 1 тыс. человек¹³.

Что касается русских (российских) диаспор в других странах Средней Азии, то здесь можно назвать следующие цифры. В Казахстане на 1 января 2004 г. проживало 4 млн 72 тыс. русских и 232 тыс. татар (данные по другим российским этносам отсутствуют)¹⁴. В Киргизии на 1999 год проживало 603 тыс. русских¹⁵. Численность русских в Узбекистане составляет (на 2004 год) 1092654 человек¹⁶. Официальные данные о численности российских этносов в Туркмении отсутствуют, оценочные (по данным русской диаспоры страны) составляют 100 - 125 тыс. человек на начало 2001 года (с 334 тыс. в 1989 году)¹⁷.

В целом численность русского населения Центральной Азии по состоянию на 2007 год можно оценить в 5,5 - 5,7 млн человек¹⁸.

Исследователи русской диаспоры в Средней Азии, говоря об идентификации ее представителей, обычно выделяют из ее состава ту часть, которая поселилась здесь до 1917 года — так называемых «старожилов». По их мнению, «обзор бытовой культуры показывает, что постепенно, на протяжении десятилетий, на основе местных вариантов, характерных для мест выхода переселенцев, складывался единый и особенный комплекс культурных традиций, то есть формировалась культурная общность славян-старожилов Средней Азии»¹⁹. При этом, несмотря на то,

---

12 Российская диаспора в странах СНГ и Балтии: состояние и перспективы. М., 2004, С. 169.

13 Шустов А. Сколько русских осталось в Центральной Азии? // Единство в разнообразии. 2007, №4, С. 27.

14 Российская диаспора в странах СНГ и Балтии: состояние и перспективы. М., 2004, С. 102.

15 Там же, С. 124.

16 Там же, С. 185.

17 Шустов А. Указ. соч. С. 27.

18 Там же.

19 Брусина О. И. указ. соч., С. 127.

что единообразию бытовой культуры оформлялось среди отдельных старожильческих групп, контакты и обмен информацией между представителями различных групп, безусловно, существовали, например, между жителями Сырдарьинской и Ташкентской областей Узбекистана с одной стороны, и Чимкентской области Казахстана — с другой. Те, в свою очередь, контактировали со старожильческим населением Джамбульской и Алма-Атинской областей, а также с жителями Чуйской долины Киргизии и Иссыккуля: иными словами, имела место своего рода «культурная непрерывность». Культурная общность охватывает группы старожильческого славянского населения практически всех переселенческих районов Средней Азии (при наличии некоторых локальных различий). Все эти группы оказались в сложных условиях развития, обусловленных культурно — историческими особенностями региона, природно-климатическими факторами, хозяйственной ориентацией самих переселенцев. Поэтому связанные с процессами адаптации преобразования в бытовой культуре имели один и тот же характер, а обмен информацией между группами способствовал в ряде случаев выработке общих традиций.

Этнографами отмечено, что параллельно тому, как складывалась культурная общность русской диаспоры (славян-старожилов), развивались и особые черты их самосознания, представляющие ту самую «двойственность», которая характерна для названного типа этноса. Как считают современные диаспорологи, «с определенной натяжкой можно сказать, что старожильческое население региона состоит из двух групп, разъединенных территориально: одна — славянское население бывшей Голодной и Дальверзинской степи, другая — Ферганской долины.

У жителей переселенческих сел было несколько иерархически соподчиненных уровней самосознания. Самый низкий уровень, свойственный первому поколению переселенцев, — это губернское сознание (кроме сектантов и других последователей неортодоксальных учений, которым было присуще конфессиональное самосознание). Оно подкреплялось земляческими связями и несколько обострилось в первое время после переезда в Среднюю Азию, когда выходцы из разных мест обнаружи-

вали друг у друга особенности в обычаях, поведении и говоре. Первоначально переселенцы держались землячествами; семьи, вышедшие из одной губернии, старались быть вместе и «поддерживать одна другую. Вся остальная масса была инородной»²⁰.

Однако «губернский» уровень самосознания уже в первые годы после переселения начинает стираться более существенным — этническим — различием. Начинает происходить консолидация в более широкие общности — «русскую» и «украинскую». В некоторых селах принадлежность жителей к двум разным, хотя и близким этносам, мешала на первых порах образованию единой общины. Названные этнические противоречия сохранялись не одно десятилетие, несмотря на то, что почти по всем документам и те и другие считались русскими (по переписи 1897 года носители «русского» языка делились на говорящих на «великорусском», «малорусском» и «белорусском»), преподавание в школах велось исключительно на русском языке²¹.

Указанные этнические различия среди славянского населения региона были заметны вплоть до 1920 — 1930 годов. Они постепенно сглаживались, превращая всех переселенцев в единую «русскую» диаспору. Большую роль в этом процессе сыграло обучение на русском языке по единой программе в средней школе. Объединяющую роль играла и церковь, как воплощение духовной общности поселян²².

В «старожильческой» среде обособлено продолжали держаться баптисты и молокане, а также представители других нетрадиционных конфессий: «внутри такой религиозной общины национальная принадлежность того или иного члена не имела существенного значения. В Русском селе, например, среди баптистов были, кроме русских и украинцев, несколько мордовских семей. Конфессиональная разделенность оказалась более устойчивой, чем этническая, она отчасти прослеживается и в наше время — по особенностям поведения, обрядности, быта.

---

20 Брусина О. И. указ. соч., С. 128.

21 Брусина О. И. указ. соч., С. 130.

22 Там же.

Как отмечают исследователи русской диаспоры Средней Азии: «Консолидация русских и украинцев в одну общность происходила в условиях развития группы в иноэтническом окружении. Это, без сомнения, самая существенная причина быстрого формирования единого самосознания. На фоне «цивилизационных» различий между восточными славянами и коренным населением Средней Азии, к тому же представляющие две мировые религии — христианство и ислам, различия между русскими и украинцами казались незаметными. Так коренные жители, даже давние соседи переселенцев, никогда (за очень редким исключением) не различали русских и украинцев. Значимость указанного фактора увеличивалась по мере углубления контактов с коренным населением, усиления социального и культурного влияния последних на жизнь старожилов, возникновения угрозы разрушения группы. С точки зрения социальной психологии, при угрозе существования данного социального организма, включаются механизмы, препятствующие разрушению. Это механизмы усиления единства «мы», сплочения и обособления от «них»²³.

По наблюдениям в старожильческих селах, процесс диаспоральной консолидации здесь пошел особенно интенсивно с конца 1920-х годов, а особенно активно в 1940 — 1950-х годах, когда происходило качественное изменение этнического состава населенных пунктов из-за массового заселения их людьми коренных среднеазиатских национальностей. Крестьянская община разрушалась, жизнь в селах все более подчинялась среднеазиатским социальным нормам. Тогда же самосознание старожилов изменилось, украинцы стали считаться частью русского народа. В 1980 - 1990-е годы и те, кто по паспорту русские, и те, кто украинцы, на вопрос об их национальности обычно отвечали, что считают себя русскими; некоторые при этом добавляли: «Хохлы ведь тоже русские»; «Хохлы — это часть русских».

Все старожилы ассоциировали себя с русским народом, для всех русский язык был основным, и это при том, что культура этого населения была настолько насыщена украинскими

---

23 Брусина О. И. указ. соч., С. 132.

элементами, что исследователи-диаспорологи единогласно считали это «естественным следствием преобладания украинского элемента среди переселенцев»²⁴.

Исследователи старожильческих групп населения региона единодушны во мнении, что их характеристики и оценки в сложении собственного стереотипного образа, достаточно единообразны и типичны. Многие указывали на черты, присущие своей группе, свидетельствующие о более традиционных, патриархальных взглядах и о внимании к человеку; местные русские отличаются уважительностью, особенно по отношению к старшим, терпимостью, скромностью (присущей, в том числе, и молодежи), радушием, доброжелательностью, неторопливым и вежливым тоном общения с кем бы то ни было. Некоторые нормы жизни, принятые у коренного населения, сказались и на закреплении в мировоззрении старожил некоторых отрицательных, по их представлениям, черт. В России, отмечали они, люди и вообще жизнь значительно проще, там более соблюдаются одинаковые для всех правила, а здесь у русских «больше развито дедачество, все на связях, все продается»²⁵.

В целом в самооценке диаспоры преобладали положительные характеристики, составлявшие стереотипный образ всей группы, передававшейся из поколения в поколение. Он характеризуется высокой самооценкой, выраженной в эпитетах «трудолюбивые», «решительные», «прогрессивные». Еще одно качество, отмечаемое представителями старожильческой части русской среднеазиатской диаспоры — это сохранение национальной культурной чистоты и религиозности. По мнению диаспорологов, объективная причина этого — культурное давление иноэтнического окружения, включающее защитные механизмы самоизоляции. Сами «старожилы» связывали это с консолидирующей ролью церкви, что является уже деталью работы механизма самоизоляции.

Один из результатов действий защитных механизмов, препятствующих разрушению группы и ее ассимиляции иноэтническим населением — обострение этнического самосознания

---

24 Брусина О. И. указ. соч., С. 133.

25 Брусина О. И. указ. соч., С. 134.

старожилов, повышенное внимание к национальным проблемам. В автостереотипах этой части диаспоры закрепляются как этнические символы многие элементы их культуры и быта. Часть из них малозначительна для большинства жителей России и Украины, но благодаря своей несхожести со среднеазиатскими обычаями, приобретает особый смысл. Потомки русских переселенцев отстаивали сохранение местной русской топонимики, старинных переселенческих построек, выступали за то, чтобы в сохранившихся церковных зданиях вновь шла служба. Они хорошо знали историю переселения своих предков, нередко высказывали пожелание организовать музей.

Групповому, локальному самосознанию соответствует объединяющее старожилов отношение к региону, где родились они сами и их родители, как к своей родине. Как родными воспринимаются среднеазиатская природа и климат. (По наблюдению автора, подобное отношение к региону появляется у представителей русской диаспоры в Средней Азии уже через 10 - 15 лет после переезда сюда и заметно ускоряется в случае их постоянного контакта с природой края). Долгое время эта привязанность старожилов к своей малой родине, их внутригрупповая сплоченность и чувство общности были важными факторами, сдерживающими миграцию этого населения. Если же миграция все же происходила, то она была коллективной: люди ехали в один и тот же населенный пункт, где между переселенцами сохранялись прежние отношения.

В настоящее время, однако, основную часть более чем пяти-миллионного русского населения Средней Азии составляют не «старожилы», прибывшие в край до 1917 года, а переселенцы нескольких «волн», вызванных важными историческими событиями в СССР 1930 - 1970-х годов. Именно от национальной идентификации этой части современной русской диаспоры в регионе зависит ее роль в жизни той или иной страны.

Общая неподготовленность русских к диаспоральному существованию ярко отразилась в прогнозах судьбы этой части этноса опубликованных в период 1991 — 1997 годов, где, по сути дела, им предрекалось только две альтернативы: репатриация (в основном путем «самовывоза» — то есть бегства), либо ассимиляция в стране пребывания. Оба эти социальных явле-

ния не оставляли места для жизни в диаспоре — «части этноса, проживающего за пределами своего национального государства». И только примерно с 1997 года появляется мнение о том, что «...Культурные ориентации, лояльность подавляющего большинства населения, которое мы называем соотечественниками, прежде всего ориентированы на новые государства... и утверждение, что эти люди не имеют перспектив и шансов там выжить — это грандиозный блеф»²⁶.

Ход исторических событий в постсоветский период показал правильность этого утверждения — во всех государствах региона началось становление русских (российских) диаспор во всем институциональном многообразии, и со всеми характерными для этой формы этнического существования трудностями.

Необходимо признать, что русские диаспоры региона сильно различаются не только по численности, но и по характеру этнической самоидентификации в стране проживания, а соответственно — стратегией взаимодействия ее с государственными институтами. В этом смысле, на наш взгляд, существуют кардинальные отличия между диаспорами в Казахстане и Киргизии с одной стороны и диаспорами в Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане. В трех последних государствах их существование и взаимодействие с государственными институтами связано с быстро прогрессирующим авторитаризмом, модернизацией и традиционализацией общества, вытесняющими европейское население на периферию общественной жизни. Эти же причины приводят и к сравнительно малой исследованности русских диаспор в названных государствах.

Наибольший интерес в этом плане представляет опыт становления русской диаспоры в Узбекистане — наиболее крупной среди трех перечисленных стран. Немаловажен и формировавшийся в условиях длительной гражданской войны и российского военного присутствия опыт диаспорального существования русских в Таджикистане.

Если говорить о первом из характерных для диаспоры признаков, а именно - о «множественной этнической самоиденте-

---

26 Космарская Н. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992-2002). М., 2006, С. 370.

фикации, предполагающей наличие этнокультурной связи и со страной проживания, и с этнической родиной», — то для большинства членов диаспор трех названных государств Россия стала историческим и культурным символом этнической родины — мощного государства, которое по некоторым (часто, малопонятным) причинам решило освободиться от «нахлебников», навязанных русскому народу в разные периоды истории его государства. Экономический подъем в России, особенно на фоне демодернизации и традиционализации среднеазиатских обществ, все увеличивающаяся трудовая миграция местного населения в Российскую Федерацию с одновременным формированием там быстро растущих диаспор титульного среднеазиатского населения, конкретизирует этническую самооценку русских диаспор в регионе, как части единого русского этноса.

На другой уровень этнической самоидентификации членов русских диаспор поднимает более определенная политика России в отношении соотечественников за рубежом, выраженная в передаче в ноябре 2001 года функций работы с диаспороальными объединениями этнических россиян за рубежом МИД Российской Федерации. Принятие специальных программ по поддержке соотечественников за рубежом, выделение средств на эту работу и, немаловажный факт — определение в каждом из посольств РФ конкретных лиц, ответственных за работу с соотечественниками, сразу повысило самоидентификацию членов диаспор с «части этноса» (который спасается, как может в глубинах Азии), до «части нации».

В этой связи вызывают сомнения оценки некоторых среднеазиатских диаспорологов, отрицающих «идентификационную унию» среди русской диаспоры Узбекистана и называющих ее не этносом, а «этническим конгломератом»²⁷. По нашему мнению, именно нарастающая демодернизация и традиционализм среднеазиатских обществ, представляющие собой ни что иное, как поиск жизнеспособного национального проекта, дают русским диаспорам Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана (в большей степени, чем русским в Казахстане и Киргизии),

---

27 Абдуллаев Е. Русские в Узбекистане 2000-х: идентичность в условиях демодернизации // Русский мир в Центральной Азии. Сборник статей и материалов. Вып. 1. Бишкек, 2007, С. 12.

вполне четкие ориентиры для самоидентификации в качестве этнического элемента лидера нового геополитического объединения в Евразии — России. Данное объединение все более конкретизируется через ЕврАзес, ОДКБ, ШОС и другие континентальные организации. Тем более характерно, что в эту орбиту втягиваются, прежде всего, страны Средней Азии.

Самоидентификация русских диаспор региона все чаще включает в себя положительную самооценку культуртрегерской роли русского этноса в регионе на протяжении последних 140 лет и явного выигрыша титульных наций от столь длительного и тесного контакта с православной цивилизацией, что фактически признается и лидерами государств Средней Азии.

Здесь мы неминуемо сталкиваемся с проблемой нынешней государственной политики Российской Федерации в отношении своих диаспор за рубежом, которая недостаточно совершенна даже по сравнению с некоторыми странами СНГ (Казахстан, Азербайджан)²⁸. В настоящее время она, представляя собой малоэффективную смесь патерналистско — репатриационной концепции, однако, будем надеется, — это этап её становления. В то же время, активизация национальной самоидентификации русских, проживающих в среднеазиатских диаспорах, на основе европейского культуртрегерского маркера, является весьма плодотворным направлением в переходе региона к прагматичной форме диаспоральной политики, способной сделать диаспоры соотечественников эффективным мостом между современной Россией и новыми государствами Средней Азии, а значит и сохранить в новой форме евразийского объединения Историческую Россию.

---

²⁸ Полоскова Т. указ соч. см. С. 114- 127.

Православие как основа Русской цивилизации и идентичности

В настоящее время ещё недостаточное внимание уделяется такому важнейшему аспекту внешней и внутренней политики России, хотя о нём и упоминается в ряде документов и выступлений высокопоставленных чиновников, как идеологическое обоснование концепции многополярного мира и определение Русского мира как цивилизации.

С точки зрения социальной науки различных школ и направлений, от Т. Парсонса до С. Хатингтона и от П. Сорокина до Э. Гидденса, К. Маркса и др., интеграция общества достигается за счёт наличия среди его членов общих культурных (идеологических) ценностей. Соответственно ценности ложатся в основу политического целеполагания, а экономический базис и население являются ресурсом для достижения этих целей.

Выдвигая задачу интеграции российского и постсоветского пространства необходимо разработать, предложить и транслировать идеологию интеграции. Само понятие политической, а, следовательно, мировой цивилизационной многополярности, говорит о том, что Россия, как один из полюсов этого мира, должна иметь собственную социокультурную идентичность и цивилизационное мировоззрение.

В течение уже нескольких веков западные элиты фактически присвоили себе монополию на истинные политические и нравственные ценности, которые они навязывают всему остальному миру.

Уже в наше время расширение ЕС, экспансия НАТО на восток, в том числе на территорию СНГ и Балтии, размещение новых систем вооружения и военных баз в Польше, Чехии, Румынии, Болгарии и т.д. идеологически подаются как укрепление безопасности демократического развития этих государств, их приобщение к семье так называемых «цивилизованных» народов. Это и является основой идеологии однополярного мира *Rex Americano*, которая существует параллельно с прагма-

тичной американской Realpolitik.

При этом персонификация политических лидеров, по большому счёту, не имеет решающего значения с точки зрения политической стратегии, поскольку она определяется ценностными социокультурными приоритетами и вызовами, стоящими перед обществом.

Это не конъюнктурная идейно-политическая проблема, а социальная реальность, которую русские интеллектуалы осознали уже давно.

Так, Николай Данилевский, исследуя взаимоотношения России и Европы, отмечал, что общественное мнение Европы, которая исторически представляет собой германо-романскую цивилизацию, традиционно настроено негативно в отношении России.

Европейские политики и пресса постоянно выдвигали два основных обвинения против России. Первое обвинение состояло в том, что Россия представляет собой колоссальное завоевательное государство, которое постоянно расширяет свои пределы и, следовательно, угрожает спокойствию и независимости Европы.

Второе обвинение заключается в том, что Россия представляет собой политическую силу, враждебную прогрессу и свободе.

Попытки русской власти донести до общественного мнения Европы объективную информацию при помощи газет, журналов, книг и т.п. не приносят положительных результатов, поскольку европейцы видят в России и славянах чуждое и враждебное начало.

Кстати, подобное отношение западных стран к России актуально и сегодня, что показывают тысячи примеров из современной, изобилующей «двойными стандартами», европейской политики.

Присоединение России к Европе означало, пишет Данилевский, только отказ от цельности собственного государства, отход от идеи патриотизма.

«Европейничанье», т.е. стремление части русского общества ориентироваться на европейские модели поведения, Данилевский называл «болезнью русской души».

Николай Трубецкой в своей работе «Европа и человечество», вышедшей в Софии в 1920 г., а также в других работах отмечал, что для европейцев характерен крайний психологический эгоцентризм. То, что европейцы называют космополитизмом и цивилизацией, во имя чего призывают «нецивилизованные» народы идти вместе с европейскими странами по пути мирового прогресса, на самом деле является романо-германской культурой. Народы, попавшие под культурный европейский экспорт, по мнению Н. Трубецкого, оказываются в политической и экономической зависимости от европейских государств, теряют свою культурную традицию, обречены на вечное подражание и отставание.

Будучи русским патриотом и придерживаясь идеологии евразийства, Трубецкой утверждал, что интересы России неразрывно связаны с интересами Турции, Персии, Афганистана, Индии, Китая и других стран Азии.

Весьма любопытен его анализ политической ситуации 20 гг. XX века. По мнению Н. Трубецкого, в тот исторический период был весьма вероятен сценарий европейской интервенции с целью свержения советской власти. Чем такая интервенция грозила народу России?

Трубецкой пишет: Мы знаем, какой будет правительственный аппарат. С виду - настоящая русская власть, а фактически – проводник иностранной колониальной политики. Кому может улыбаться работа в таком «аппарате»? Мелким честолюбцам, стремящимся к атрибутам власти, хотя бы фиктивной? Или беспринципным авантюристам, мечтающим обеспечить личное благополучие, хотя бы ценой собственного позора и гибели родины? Кажется, эти характеристики вполне применимы и к нашему времени.

В отечественной и мировой науке цивилизационная парадигма разрабатывается, начиная со второй половины XIX века, русскими и зарубежными учёными, такими как Н. Данилевский, К. Леонтьев, Н. Трубецкой, Н. Устрялов, П.Сорокин; О.Шпенглер, А.Тойнби, С. Хатингтон и другие авторы. В настоящее время многополярный цивилизационный подход продолжает оставаться основным направлением общественно-социальной мысли России и зарубежья.

Слава Богу, Россия постепенно перестаёт стесняться называть себя русским государством, вкладывая в это понятие широкий социокультурный смысл.

В этой связи необходимо концептуализировать понятие «Русский мир», выработать современную научную доктрину русской цивилизации, русского пространства.

Принципиальным является то обстоятельство, что цивилизационный подход релевантно объясняет современные и исторические события. Исследования историков, социальных философов, политологов, социологов, экономистов, антропологов и др. специалистов в области социальных и гуманитарных наук в рамках цивилизационного подхода не противоречат, а взаимно дополняют друг друга, что позволяет целостно описывать исследуемую социальную реальность.

Когда в рамках цивилизационного подхода говорится о Русском мире, то тем самым признаётся, что он обладает русскими культурными кодами, религией, традицией, языком, национальным характером, представлением о добре и зле, отношении к собственной и мировой истории и т.д.

Русский мир как Русская цивилизация означает признание исторической непрерывности русской государственности, начиная со времени Киевской Руси – Московского царства – Российской империи – Советского Союза – и заканчивая нынешней Российской Федерацией и интеграционными процессами постсоветского пространства.

Русский мир как цивилизация не может развиваться вне определённого пространства, вне определённой территории. У русских есть своё географическое сознание, которое говорит о том, что есть Русская Родина и Русский дом. Русские имеют свою историческую территорию - евразийское постсоветское пространство, на которой развивалась русская политическая история, на которой формировался антропологический и этнографический тип русского человека, особенности его психического характера, которая обеспечивает экономическую основу бытия и воспроизведение Русского мира в физическом и духовном смысле.

Из этого следует, что безопасность Русского мира обеспечивается безопасностью его культурных кодов и безопасностью

его территории, будь то безопасность военно-политическая, экономическая или экологическая.

Применительно к Русскому миру, под «центром» должно подразумеваться то объективное историческое обстоятельство, что Русский мир имеет своё территориальное, духовное и политическое ядро. Всё это соответствует цивилизационной модели Русского мира, духовным ядром которой является Православие.

Речь не идёт о том, что Русский мир должен состоять исключительно из глубоко воцерковлённых в Православной вере людей. Речь идёт о том, что Русский мир как цивилизация исторически сформировался на духовно-нравственных основах Русской Православной Церкви.

Здесь нельзя не вспомнить слова русского философа и общественного деятеля Ивана Ильина. Он писал: «Значение православия в Русской истории и культуре определяющее. Достаточно признать, что тысячелетняя история России творится людьми христианской веры; что Россия слагалась, крепла и развёртывала свою духовную культуру именно в христианстве, и что христианство она восприняла, исповедовала, созерцала и вводила в жизнь именно в акте Православия»¹.

Православие, как и иные религии, это мировоззрение, обладающее определёнными характеристиками. Оно имеет или имело в историческом прошлом своих носителей, которые вступают между собой в определённые социально организованные отношения.

Русская Православная Церковь осуществляет свою деятельность на основе: а) Священного Писания и Священного Предания; б) канонов и правил святых апостолов, святых Вселенских и Поместных Соборов и святых отцов; в) постановлений своих Поместных и Архиерейских Соборов, Священного Синода и Указов Патриарха Московского и всея Руси; г) Устава.

Для РПЦ и вообще для православия характерна строгая приверженность совокупности догматов — неизменных истин, также являющихся результатом божественного откровения.

---

¹ Ильин И. О православии и католичестве//О грядущей России: Избранные статьи/ Под ред. Полторацкого. — М. Воениздат, 1993. С.309

Основные из этих догматов следующие: догмат троичности Бога, догмат Боговоплощения и догмат искупления.

Отличительной особенностью Русской Православной Церкви является то, что она со времени первых семи вселенских соборов не добавила ни одного догмата к своему вероучению, в отличие от католической церкви, и не отказалась ни от одного из них, как это имело место в протестантизме.

В христианстве основным формализованным институтом является Церковь - объединение людей, которые придерживаются одного вероисповедания.

Русская Православная Церковь (РПЦ) включает в себя самоуправляемые Церкви, Экзархаты, епархии, Синодальные учреждения, благочиния, приходы, монастыри, братства, сестричества, Духовные учебные заведения, миссии, представительства и подворья.

Как развитый формализованный институт РПЦ имеет централизованную (иерархическую) систему управления, в которой высшими органами церковной власти и управления являются Поместный Собор, Архиерейский Собор, Священный Синод во главе с Патриархом Московским и всея Руси.

Законность и легитимности в иерархическом организационном строении и управлении в православии получило название принципа каноничности.

Важнейшей характеристикой каноничности является установление эффективного управления каноническими церковными подразделениями в соответствии с территориальным принципом организации управления.

После прекращения существования СССР РПЦ удалось сохраниться как международной организации. В настоящее время к канонической территорией Русской Православной Церкви относятся: Россия, Украина, Белоруссия, Молдавия, Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Латвия, Литва, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, Эстония².

В организационном плане в состав Московского Патриархата входят автономные и самоуправляемые Церкви. Их создание и определение границ входит в компетенцию Поместного или

---

² Устав Русской Православной Церкви. Гл.1 ст.3

Архиерейского Собора Русской Православной Церкви. Самоуправляемые Церкви осуществляют свою деятельность на основе и в пределах, предоставляемых Патриаршим Томосом, издаваемым в соответствии с решениями Поместного или Архиерейского Собора. В настоящее время самоуправляемыми являются: Латвийская Православная Церковь (Предстоятель - митрополит Рижский и всея Латвии Александр), Православная Церковь Молдовы (Предстоятель - митрополит Кишиневский и всея Молдовы Владимир), Эстонская Православная Церковь (Предстоятель - митрополит Таллинский и всея Эстонии Корнилий).

Украинская Православная Церковь является самоуправляемой с правами широкой автономии. Ее Предстоятелем является Блаженнейший Митрополит Киевский и всея Украины Владимир.

Также в состав Московского Патриархата входит Белорусский Экзархат, находящийся на территории Республики Беларусь. Возглавляет Белорусский Экзархат митрополит Минский и Слуцкий Филарет, Патриарший Экзарх всея Беларуси. В основу Экзархата полагается объединения епархий по национально-региональному принципу в соответствии с решениями Архиерейского Собора. «Белорусская Православная Церковь» - другое официальное наименование Белорусского Экзархата.

В настоящее время количество епархий Русской Православной Церкви — 136, в том числе в России — 68, на Украине — 36, в Белоруссии — 11, Молдавии — 6, Казахстане — 3, Прибалтике — 3, Средней Азии — 1, имеется также Бакинско-Прикаспийская епархия³.

Из приведённой статистики видно, что половина епархий РПЦ находится за пределами Российской Федерации, то есть в ближнем зарубежье. Это делает РПЦ влиятельной интегрирующей духовной силой на постсоветском пространстве, но в тоже время создаёт дополнительную специфику в деятельности за рубежом, в целом в функционировании институтов РПЦ.

Тем не менее, можно говорить о существующих трендах сокращения канонической территории и появлением на ней

---

3 <http://www.mospat.ru/index.php?mid=215>

параллельных структур других поместных церквей. Прежде всего, речь здесь идёт о религиозной ситуации на Украине, в Молдове, в Эстонии и на других территориях.

Так, на Украине сейчас существует несколько православных церквей, из которых, строго говоря, канонической является только Украинская Православная Церковь, входящая в Русскую Православную Церковь.

Румынский патриархат в 1990 году создал Бессарабскую митрополию, хотя на территории Бессарабии действует каноническая Молдавская Православная Церковь, входящая в качестве самоуправляемой Церкви в Русскую Православную Церковь.

На территории Эстонии, усилиями Константинопольского Патриархата и эстонских властей, помимо традиционной для этой территории канонической Эстонской Православной Церкви, входящей в качестве самоуправляемой Церкви в состав Русской Православной Церкви, была образована Автономная Церковь константинопольской юрисдикции.

Эти и другие примеры показывают, что Церковь в своём развитии сталкивается с двумя противоположностями.

С одной стороны, это ориентация на сакральный мир неизменных истин, на догматы божественного откровения, которые предполагают Церковное единство, в том числе в организационном и территориальном плане.

С другой стороны, это практическое функционирование в профаном мире, где Церковь тесно связана с политическими и экономическими структурами, где корпоративные интересы имеют серьёзное влияние. С точки зрения современной теории глобальных процессов, территориально мотивированные в своих политических интересах государства рассматриваются как унитаристские и рациональные эгоисты, предрасположенные к конкуренции и конфликту"⁴.

Так, украинский президент Виктор Ющенко в своих выступлениях, посланиях в Верховную Раду напрямую связывает государственную политику повсеместного распространения украинского языка, изучение курса украинской истории и соз-

---

4 Soderbaum, 2002. Op. cit. P. 17.

дание Поместной Украинской Православной Церкви с формированием украинской национальной идентичности от Закарпатья до Крыма⁵.

Аналогично румынские власти активно поощряют распространение румынского языка и образования на территории Молдовы, священный Синод Румынской Православной Церкви создаёт в Молдове, несмотря на нарушение принципа канонической территории, новые епархии, что готовит собой почву политического объединения Румынии и Молдовы как «двух румынских государств», а фактически для полного поглощения последней.

Современное Православие существует в условиях многонационального, поликонфессионального и мультикультурного общества, и в этих условиях происходит сложный процесс межкультурного, межнационального взаимодействия и наложения различного рода идентичностей.

На канонической территории РПЦ среди православного населения существуют разные типы идентичностей, обусловленные не только уровнем свой воцерковлённости, но и местными территориальными условиями, связанными с географической, экономической, культурной, политической и конфессиональной средой. Необходимо учитывать, что если на части этой территории (России, Белоруссии, Украине, Молдавии) православие по факту в силу традиционной распространённости является господствующей религией, то на значительной части её территории, например, в Средней Азии, на Кавказе и в Прибалтике, а так же в странах дальнего зарубежья, православные составляют меньшинство.

Рассматривая религиозную ситуацию на канонической территории РПЦ, прежде всего, следует отметить её динамичность и противоречивость тенденций.

Речь идёт о постоянно увеличивающемся количестве приходов РПЦ, её высоком авторитете в российском обществе и за

---

5 Ющенко В. О внутреннем и внешнем положении Украины в 2005 году. Ежегодное послание Президента Украины к украинскому парламенту, произнесенное 9 февраля 2005 г. // http://www.president.gov.ua/news/data/11_6001.html; См. также Речь В. Ющенко 24 августа 2007 г. на Софийской площади Киева по случаю празднования 16-й годовщины независимости и др.

рубежом. В то же время существуют тенденции усиления вмешательства на её канонической территории внешних сил самой разной природы. Это усиление либерально-атеистической пропаганды, прозелитизм со стороны протестантских и католических церквей, возрастание роли и значения ислама, распространение деструктивных духовных культов⁶.

Снова вспомним И.Ильина — «наши поколения поставлены перед ужасными, таинственными проявлениями этой стихии и доселе не решаются выговорить свой жизненный опыт в верных словах. Мы могли бы описать эту стихию, как «чёрный огонь», или определить её как вечную зависть, как неутолимую ненависть, как воинствующую пошлость, как беззастенчивую ложь, как абсолютное бесстыдство и абсолютное властолюбие, как попрание духовной свободы, как жажду всеобщего уничтожения, как радость от погубления лучших людей, как антихристианство. Человек, поддавшийся этой стихии, теряет духовность, любовь и совесть; в нём начинается разложение и разнуждание, он предаётся сознательной порочности и жажде разрушения; он кончает вызывающим кощунством и человекоумительством»⁷.

Следует хотя бы очень кратко остановиться на современных доктринах Русской православной Церкви.

На X Всемирном Русском Народном Соборе была принята Декларация о правах и достоинстве человека, в которой сформулированы православные постулаты Русского мира. В частности, в Декларации говорится: Человек как образ Божий имеет особую ценность, которая не может быть отнята. Она должна уважаться каждым из нас, обществом и государством. Совершая добро, личность приобретает достоинство. Свобода выбора приобретает ценность, а личность - достоинство, когда человек выбирает добро. Наоборот, свобода выбора ведет к саморазрушению и наносит урон достоинству человека, когда тот избирает зло.

Необходимо отметить также, что в условиях ценностной аномии, порождённой сложной и противоречивой эпохой

---

6 <http://www.mospat.ru/index.php?mid=85>

7 Ильин И. К истории дьявола//О грядущей России: Избранные статьи/ Под ред. Полторацкого. — М. Воениздат, 1993. С.15

транзитного периода 90-х гг. XX века, россияне хотят вернуться к утраченным, консервативным в лучшем смысле этого слова, морально-нравственным ценностям, к чему призывают авторитетные представители Русской Православной Церкви.

В настоящее время российское общество испытывает определённые трудности, связанные с формулированием своей идентичности. Так, социологические исследования показывают, что для значительной части респондентов отнесение себя к группе «православные» не означает высокий уровень воцерковлённости, а скорее служит индикатором отнесения к определённой социо-культурной традиции.

Во многом это объясняется тем обстоятельством, что научное знание, основанное на позитивизме, на определённом историческом этапе — эпохе Просвещения, довольно чётко отделило себя от религиозного познания, что для сферы некоторых естественных наук было в то время вполне логичным.

Советское материалистическое (марксистское) мировоззрение усугубило обозначенное позитивистской эпохой разделение.

Как следствие - современное сознание в религиозной и научной сферах эклектично. Это, с одной стороны, не даёт возможности человеку принять религиозную доктрину, с её морально-нравственным и религиозно-философским основанием, а с другой - порождает примитивные суеверия и вульгарно-гедонистическое отношение к жизни.

Преодоление на теоретическом уровне разделения христианского мировоззрения и естественнонаучного подхода является вопросом укрепления цивилизационной идентичности Русского мира, выходу из морально-нравственной ценностной аномии, способствует формированию патриотических мировоззренческих установок.

Наука основывается на позитивном знании и представляет собой динамичную систему о существенных связях действительности, в то время как религия в наиболее общем виде, представляет собой веру в сакральный мир.

С точки зрения ценностей XXI века следует говорить о том, что технологическое развитие современной цивилизации должно гармонично сочетаться с духовным развитием человека,

опирающимся на традиционные ценности.

Так, современная теоретическая социология уже достаточно близко подошла к тому, чтобы признавать релевантность для социологической теории экзистенциальных идей, которые не подлежат эмпирической проверке. Авторитетный американский социолог Т. Парсонс в своей работе «Роль идей в социальном действии» прямо пишет, что существует класс понятий и высказываний, которые не верифицируемы, но не потому, что они ложны, а потому что они, как выразился известный итальянский социолог В. Парето, «превосходят возможности опыта». Далее Парсонс отмечает, что если систематически и последовательно изучать высказывания людей для обоснования попыток достижения глобальных целей, то можно прийти к выводу, что они носят неэмпирический и скорее метафизический, чем научный характер.

Великий представитель немецкой классической философии Г.В.Ф. Гегель, теолог по образованию, писал: «Религия — вообще последняя и наивысшая сфера человеческого сознания, будь то мнение, воля, представление, знание или познание; она есть абсолютный результат, та область, в которую человек вступает как в область абсолютной истины»⁸.

Рассматривая взаимоотношения научного познания и религиозного, Гегель отмечал, что, стремясь понять естественное явление, люди ищут его основание в сфере конечного материального мира, в то время как на область религии приходится абсолютное содержание и цель. Научное познание захватило весь конечный материал, втянув его в сферу своего господства; к нему отошло всё определённое содержание; однако, устанавливая в нём необходимую связь, оно не способно ввести в него связь абсолютную⁹.

В России существует мощный потенциал русской духовной, философской, социальной и социологической мысли, который вполне может послужить основой для нового подхода в осмыслении и интерпретации социальных процессов, поиска смысла жизни современного россиянина. Можно вспомнить таких

---

⁸ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии религии //Гегель Г.В.Ф. Философия религии. М.:РОССПЭН, 2007.Т.1. С.186

⁹ Там же С.162-163

православных авторов как П. Сорокин, И. Ильин, С. Булгаков, Н. Бердяев, Н. Данилевский, П. Флоренский и других учёных.

Всё это свидетельствует о том, что Православие в духовном и религиозно-философском смысле выполняло и выполняет функцию мировоззренческой основы Русского мира как цивилизации, является ведущим критерием русской идентичности.

Русская идентичность — этническая или гражданская?

Когда мы говорим о русской идентичности и идентичности вообще мы имеем ввиду социально-психологический уровень идентификации. Это представление о себе, которое формируется как производное от осознания человеком своей причастности к определенной социальной группе, в данном случае - к этнической. Понятно, что этническая идентичность приобретает не произвольно, а в привязке с окружающей действительностью, т.е. в процессе социализации. Обретение идентичности значительно осложняется, если социализация проходит в этически смешанной среде — в итоге отдельные индивиды и целые группы могут характеризоваться двойным или даже тройным самосознанием и, соответственно, дифференцированной идентичностью.

Этническая идентичность является мощным ресурсом социальной общности. Во-первых, она удовлетворяет потребность в самобытности и, на основе которой члены такой общности отличают себя от других подобных общностей. Во-вторых, обеспечивает потребность в принадлежности к определенной группе и, соответственно, защите. И, в-третьих, является мощным инструментом социальной и этнополитической мобилизации (чаще всего по формуле «наших бьют!»).

Вместе с тем, этническую идентичность и связанную с ней другую базовую категорию — этническое самосознание - достаточно сложно описать методологически (этническая идентичность вытекает из этнического самосознания как форма отождествления и отнесения себя к определенной этнической общности). Существует множество подходов к определению сущности этих явлений. Так, В. П. Тоидис полагает, что этническое самосознание — это форма общественного сознания и самосознания, представляющая собой совокупность культурных ценностей, чувств, представлений, взглядов, идей, стереотипов и символов, в которой... индивиды осознают свою этногрупповую идентичность. Самосознание проявляется в виде

осознания своей принадлежности к определенному этнокультурному пространству с его культурным ядром, — традициями, обычаями, нравами, обрядами, специфическим фольклором и бытовым укладом, — образующим архетипическую основу самосознания, его этнокультурный менталитет¹. В. А. Тураев этническое самосознание определяет как чувство принадлежности к тому или иному этносу, выражающееся в этническом самоопределении, то есть в отнесении индивидом себя к данной этнической группе². С. А. Арутюнов считает этническое сознание важнейшим признаком этноса³.

Таким образом, от того, какой подход используется при определении этничности, зависит и характеристика этнического самосознания и идентичности. Исходя из примордиалистского подхода этническое самосознание можно характеризовать как субъективный фактор, отражающий объективную реальность. Конструктивистское представление об этносе дает нам иную интерпретацию этнического самосознания, а именно — «конструкт», создаваемый элитой, средствами массовой информации и системой образования. В частности, В. А. Тишков полагает, что этническую идентичность следует рассматривать больше как форму социальной организации, чем выражение определенного культурного комплекса. «Ключевую роль в конструировании этничности играет политика этнического предпринимательства, т.е. мобилизация членов этнической группы на коллективные действия со стороны лидеров, которые преследуют политические цели, а не выражают культурную идеология группы или «волю народа»⁴. С. Е. Рыбаков, напротив, считает, что национальная идентичность локализуется в сознании⁵ и т. д.

Итак, этническое самосознание — сложный многокомпонентный феномен. Представители различных школ включают в его структуру различные составляющие. Тураев выделяет три

---

1 Тойдис В. П. 28.02.05.

2 Тураев В.А. Этнополитология. М., 2004. С. 77.

3 Арутюнов С.А. Меньшинство без большинства: этническая мозаика Кавказа // Расы и народы. Вып. 24. М., 1998. С. 175.

4 Тишков В.А. Политическая антропология. М., 2000. С. 73.

5 Рыбаков С.Е. Национализм и нация // Этнографическое обозрение. 1999. №4. С. 9.

основных компонента: осознание принадлежности к этнической группе, «образ мы» и этнические интересы. В понятие «образ мы» входят, по мнению Тураева, представления о типичных чертах своей группы, особенностях культуры, быта, территории, характере народа и т. п. «Образ мы» изменчив, на индивидуальном уровне он зависит от эрудиции человека, образования, природы социализации, степени озабоченности этническими проблемами. Озабоченность эта, как правило, выше у этнических меньшинств в полиэтнических государствах⁶. Этническое самосознание по В. Филиппову — это самоидентификация индивида, реализуемая в соответствии с параметрами этничности, или, иначе говоря, субъективный образ этноса⁷. Национальное (в данном случае имеется виду этническое) самосознание непременно приписывает «своему» народу «свой» хозяйственный уклад или «свой» собственный способ добывать себе «хлеб насущный», а также некие уникальные культурные и бытовые традиции. Непременными атрибутами национального самосознания являются «родной язык», а также «свои боги, вера отцов». Обязательно присутствуют и устойчивые представления о характере «своего народа» и о психологических особенностях соседей⁸.

Большое влияние на характер представлений оказывает государственная идеология, а также различные идеологемы, которые создаются элитными элементами этноса и усваиваются массами. Под их воздействием происходит формирование новых представлений, что и проявилось в полной мере у многих народов СССР на рубеже 1980 - 90-х годов. Изменения в представлениях под воздействием национальных движений и их лидеров были настолько значительны, что это дало основание исследователям говорить о «навязанной этничности» и даже о «новой форме диктатуры». Во всяком случае, не вызывает сомнений тот факт, что за последние 10 лет различия между русскими и украинцами, русскими и белорусами, между узбеками

---

6 Тураев В.А. Этнополитология. М., 2004. С. 77-79.

7 Филиппов В. «Нулевой вариант» в этнополитике — путь к гражданскому равноправию в обществе // Федерализм. 1997. №2. С. 26.

8 Филиппов В. «Нулевой вариант» в этнополитике — путь к гражданскому равноправию в обществе // Федерализм. 1997. №2. С. 27.

и таджиками и т. п. стали во много раз серьезнее, чем это было в советский период⁹.

В целом, этнопсихологи выделяют семь типов этнической идентичности (самосознания): *нормальный* (образ своего народа положительный, благоприятное отношение к его культуре, истории, естественный патриотизм); *этноцентричный* (акцентированность на значимости этничности, некритическое к ней отношение, элементы этноизоляционизма, замкнутости); *этнодоминирующий* (представления о превосходстве своего народа, дискриминационные установки в отношении других этнических групп, стремление не смешиваться с представителями других народов); *этнический фанатизм* (абсолютное доминирование этнических интересов и целей, готовность идти ради них на любые жертвы); *этноиндифферентный* (равнодушие к проблемам этничности, ценностям своего и других народов); *этнонигилизм* (полное отрицание этничности, этнических ценностей); *амбивалентный* (невыраженная, иногда «сдвоенная» идентичность, характерная для этнически смешанной среды)¹⁰.

Однако есть еще и другая сторона самосознания — гражданская идентичность. С. С. Савоскул считает, что осознание человеком своей причастности к сообществу граждан того или иного государства является важной частью механизма функционирования политической структуры, фундаментом политической жизни и сознания общества¹¹. По мнению Тишкова, общая гражданская идентичность, которая достигается через понятие нация, не менее важна для государства, чем конституция, общие правовые нормы и охраняемые границы. «Ибо этот общий дискурс о нации придает важную дополнительную легитимность государственной власти через создание образа, что власть представляет некую целостность и осуществляет управление от имени и с согласия этой целостности»¹². Кроме того, подчеркивает Тураев, гражданская идентификация сопровождается политико-правовой идентификацией, т.е.

9 Тураев В.А. Этнополитология. М., 2004. С. 79.

10 Тураев В.А. Этнополитология. М., 2004. С. 80.

11 Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: выбор судьбы. М., 2001. С. 52.

12 Тишков В.А. Забыть о нации // Этнографическое обозрение. 1998. №5. С. 16.

осознанием и соотносением человека своего декларируемого правового статуса с достигаемым в реальности статусом, со статусом других лиц как в своем государстве, так и в зарубежных странах. Причем наиболее противоречиво такая идентификация происходит при национальном самоопределении представителей различных этносов и народов в составе многонационального государства¹³. По мнению, В. М. Капицына, государству при формировании национальной идентификации, «необходима специальная политика государственных структур, учитывающая интересы и самосознание нескольких этносов и народов, территориальных общностей... Другими словами необходима правовая политика, воспроизводящая состояния легальной, легитимной национально-государственной идентификации»¹⁴.

В целом, проблема соотношения этнической идентичности и гражданской/государственной достаточно многогранна, и все государства решали и решают ее по-разному. Скажем так, для каждого из современных государств — это свой, уникальный опыт. Россия давно старается определиться с этим вопросом в рамках своей этнонациональной политики. Так уж сложилось исторически, что уникальная этическая идентичность русских очень своеобразно соотносится с гражданской (точнее сказать, государственной) идентичностью. Факторов, влияющих на это соотношение, огромное количество — и имперское прошлое, и традиционный коллективизм сознания, и живучие ценности советского прошлого, и «слом» начала 1990-х, и очень неоднозначное настоящее...

Начнем, пожалуй, с этнической идентичности русских. Здесь важно учитывать то обстоятельство, что проблема этнической идентичности русских напрямую связана с не менее важной проблемой артикулирования национальных интересов и национальной идеи, с одной стороны — этнических русских, а с другой стороны — всей России как многонационального

---

13 Капицын В.М. Национальная идентификация и политико-правовые стратегии государства // Национальный вопрос и государственное строительство. М., 2001. С. 78.

14 Капицын В.М. Национальная идентификация и политико-правовые стратегии государства // Национальный вопрос и государственное строительство. М., 2001. С. 83-84.

государства. По этому поводу написано огромное количество работ. Для того чтобы оценить основное направление российской научной мысли, приведем мнения некоторых авторов. Так, С. В. Рыжова считает, что установки этнического самосознания русских предполагают открытость к другим народам, готовность к сотрудничеству и интеграции на базе осознания собственной этнической, и, возможно, социальной, специфики, развития своей национальной индивидуальности¹⁵.

Однако, в условиях федерации, речь должна идти не только об установках русских. А. И. Вдовин и В. А. Корецкий полагают, что «российская идея не противоречит и не предполагает угрозы русской идее, а российская нация — русскому и другим народам России... Русская идея сегодня — это не только осознание русскими людьми своей идентичности и общего пути, но также обязанность строить гуманное и справедливое общество. Аналогичная идея есть (должна быть) у каждого из российских народов»¹⁶. Далее авторы подчеркивают, что в отличие от национальных интересов (того, что каждый народ желает для себя) национальная идея представляет более универсальную систему ценностей. «Это то, что полагается существенным и важным не только для своего народа, но и для всех. Интеграционной русская идея может стать, если будет приемлемой для всех российских народов. Ее смысл — в осознании необходимости отыскания народами России новой формулы Российской государственности, способов совместного преодоления кризисов, выживания, взаимообогащения, достойного сосуществования в единой государственной общности. Иначе говоря, российская идея есть осознание российской идентичности во имя благополучия и процветания российской нации как согражданства»¹⁷.

Г. Н. Пак подчеркивает, что российская национальная идея должна быть связана с внеэтническими интересами или надэт-

---

15 Рыжова С.В. Установки этнического самосознания русских // Конфликтная этничность и этнические конфликты. М., 1994. С. 125.

16 Вдовин А.И., Корецкий В.А. Распад СССР и проблемы национально-политического развития России // Российское государство и общество, XX век. М., 1999. С. 360.

17 Вдовин А.И., Корецкий В.А. Распад СССР и проблемы национально-политического развития России // Российское государство и общество, XX век. М., 1999. С. 360-361.

ническими интересами и ценностями. Свобода и независимость, безопасность от угрозы извне, защита экономических и политических позиций на международной арене, расширение влияния в мировой политике, таковы внешние аспекты реализации национальной идеи. «Национальная идея новой России должна быть свободна от имперских устремлений, от претензий на роль мирового центра, на мессианство»¹⁸. Национальная идея, по мнению Пака, — это отражение ценностей не этнической общности, а общности людей, объединенных единством геоэкономических критериев. «Это идея территориальной общности, сформированной в рамках всего политически организованного общества. Это идея нации-государства. Ею не могут быть ценности какой-либо одной этнической общности». Отсюда вывод: национальная идея может иметь успех лишь в том случае, если реализация ее идет в одном направлении с формированием новой глобальной общности¹⁹.

Между тем, в современной России власть до сих пор не может обозначить формулу, которая могла бы стать национальной идеей. Однако попытки предпринимаются. К примеру, к основным идеям гражданского патриотизма, по мнению А. Н. Вырщикова и К. М. Никонова можно в первую очередь отнести: державность, социальную ориентированность, духовность, просвещенность, историческую преемственность²⁰. Г. В. Осипов считает, что сегодня объединить все партии и общественные движения, все российское общество осознанием национальных интересов России могло бы единство идеи духовности, идеи народовластия и идеи державности²¹ и т. д. Как бы то ни было, но пока наше государство обходится такими простыми формулами как «Единая Россия», «Сильная Россия» и проч.

---

18 Пак Г.Н. Федеративное устройство России и проблемы гармонизации межэтнических отношений. Саратов, 1998. С. 73-74.

19 Пак Г.Н. Федеративное устройство России и проблемы гармонизации межэтнических отношений. Саратов, 1998. С. 75.

20 Вырщиков А.Н., Никонов К.М. Российская национальная идея. Волгоград, 1998. С. 103.

21 Осипов Г.В. Россия: национальная идея, социальные интересы и приоритеты. М., 1997. С. 140.

К слову сказать, опасения, высказываемые в начале 1990-х годов, по поводу того, что борьба различных политических сил за право олицетворять собой наиболее точное и верное выражение российской идеи, станет важнейшим элементом борьбы за власть в России²², фактически не оправдались. Неконтролируемого взрыва державного русского патриотизма также не произошло. О чем это свидетельствует? На этот вопрос можно ответить, лишь обратившись к феномену гражданской/государственной идентичности русских.

По мнению Л. Дробижевой лишь у русских ценности политического плюрализма и прав человека конкурируют с национальными, этническими интересами²³. Савоскул полагает, что это связано с тем, что, у русских (как в значительной мере и у украинцев и белорусов) по сравнению с другими этносами бывшего СССР сильнее, чем этническое, было развито государственное самосознание, однако, со временем стала расти и его этническая составляющая²⁴. Тураев также подчеркивает, что в русском национальном самосознании огромную роль всегда играла идея державности. «Понятия Родина, Государство — наиболее значимые ключевые ценности в русском культурном архетипе. Являясь носителем государственности, русский человек вольно или невольно всегда осознавал себя хозяином положения, за его спиной незримо стояло могучее государство, к помощи которого он мог обратиться (и обращался) в трудную минуту. Уже в силу этого обстоятельства в антитезе «мы — они», неизбежной при любых этнических контактах, русское представление о «мы» имело превосходную степень. Сказывалась, безусловно, и разность культурно-исторических потенциалов. На лестнице исторического прогресса русские стояли выше, чем их новые сограждане в Поволжье, Сибири или в средней Азии. Все это не могло не породить известного чувства снисходительности, пренебрежительного отношения к культуре, традициям и обычаям других народов, при этом русский

---

22 Национальная доктрина России (проблемы и приоритеты). М., 1994. №5-8. С. 419.

23 Дробижева Л. Опыт национализма и демократизация в республиках Российской Федерации // Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. М., 1995. С. 43.

24 Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: выбор судьбы. М., 2001. С. 93.

человек искренне верил, что творит доброе дело. Сострадание к тем, кто «ниже», стремление поднять их до уровня «как все» (в данном случае «как мы»), замешанное на идее христианско-православного мессианства и милосердия, — не менее характерная черта русского культурного архетипа. Тоталитарно-имперская система СССР лишь усугубила это, прямо скажем, не очень прекрасное качество»²⁵. Это основные точки зрения на характер гражданской/государственной идентичности русских.

Итак, почему русский национализм не стал доминантой в построении межэтнических отношений с представителями других этносов, а борьба за национальную идею не стала предметом политической борьбы? Наверное, дело все-таки в этом самом соотношении этнической идентичности русских и их гражданской/государственной идентичности (речь не идет о примате гражданских прав над этническими!). Первая растворена во второй. Русский не мыслит себя без своего государства, главной характеристикой которого считает его мощь и силу. При этом абсолютно не важно как оно называется — Российская империя, Советский Союз или Российская Федерация. Именно поэтому русские не являются диаспоральным народом. Диаспора появляется тогда, когда этническая группа ощущает себя дискомфортно в иноэтнической среде и вынуждена консолидируясь, воссоздавать здесь «маленькую модель родины» — прежде всего в социальном ее измерении. Русские же всегда знают, что за ними стоит великая Россия, за каждым из них. Хотя в реальности сегодняшняя Россия далеко не всегда может обеспечить русским «этническую безопасность». Реализация Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом — яркое тому подтверждение. Поэтому формируются русские общины, которые в целом не оказывают принципиального влияния на процесс принятия решений в стране своего местонахождения. Казалось бы, раз столь сильно в русских государственническое и/или гражданское начало, то значит и воплотить в жизнь давнюю

---

25 Тураев В.А. Этнополитология. М., 2004. С. 93.

мечту российского руководства — построить политическую нацию россиян как надэтническую общность — должно быть достаточно просто. Но не тут то было! Слишком много факторов, в том числе опять же идентификационного характера играют против (См. Харитонов Н. Этнополитика России и национальная идентичность россиян). Так, государствообразующая роль русского этноса слишком очевидна, слишком большая доля населения России считает себя этническими русскими, чтобы такой колоссальный объем «русскости» был переформатирован в «российскость», надэтническую идентичность. Тем более, что русское население, судя по всему, не испытывает необходимости в восстановлении своей этнической или государственной идентичности — они по-прежнему считают себя хозяевами на своей земле на архетипическом уровне.

Таким образом, ответить на вопрос о том, как определить идентичность русских — как этническую или как гражданскую/государственную, достаточно сложно. Возможно, имеет смысл говорить о двух уровнях русской идентичности — этнической и государственной, перетекающих один в другой и наоборот. Человек вправе сам выбирать, к какой из них апеллировать в той или иной ситуации, Тем более что они практически совпадают. Речь идет лишь об акцентах, но очень важных. Главное, чтобы наша российская или, если угодно, русская элита принимала во внимание эти моменты, если все-таки соберется всерьез рефлексировать на тему национальной идеи для России.

Об авторах

Барсенков Александр Сергеевич — доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Вдовин Александр Иванович — доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Дубовицкий Виктор Васильевич — заместитель директора Института истории, археологии и этнографии им.А.Дониша, доктор исторических наук, атаман общины казаков «Амударьинской линии» (Таджикистан).

Журавлёв Виталий Евгеньевич — заместитель директора информационно-аналитического центра Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, эксперт Института Русского зарубежья.

Иванов Валерий Иванович — главный редактор Народного портала Русского Движения Латвии.

Князев Александр Алексеевич — доктор исторических наук, профессор Киргизско-Российского Славянского университета, президент Центральноазиатского Института русской диаспоры, член Координационного совета организаций российских соотечественников Киргизии.

Намовир Владимир Борисович — руководитель информационно-аналитического центра Республиканского славянского движения «Лад» в Казахстане, редактора сайта «Русские в Казахстане».

Неменский Олег Борисович — сотрудник Института славяноведения и балканистики Российской академии наук.

Пантелеев Сергей Юрьевич — директор Института Русского зарубежья.

Петров Михаил Владимирович — председатель Русского института (Эстония), сопредседатель Союза русских общин Европы.

Проваторов Сергей Германович — председатель правления Всеукраинского союза общественных организаций «Русское содружество».

Сокуров Сергей Анатольевич — основатель «Русского общества им. А. Пушкина» во Львове, полномочный представитель в России ряда русских общественных организаций Украины, писатель, публицист.

Харитоновна Наталья Ивановна — сотрудник Информационно-аналитического центра по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова.

Шершнёв Леонид Иванович — президент Фонда содействия объединению русского народа «Русские», генерал-майор в отставке.

Шестаков Виктор Феофанович — председатель Русской общины Полтавщины (Украина).

Институт Русского зарубежья - автономная некоммерческая организация, созданная в марте 2005 г. с целью совершенствования исследовательской, информационно-аналитической, экспертной и организационной работы государственных и общественных структур Российской Федерации с российскими соотечественниками за рубежом.

К настоящему времени Институт Русского зарубежья стал одной из ведущих российских неправительственных организаций, осуществляющих работу по поддержке российских соотечественников, проживающих за рубежом.

Осуществляя свою деятельность в рамках Общественной дипломатии, Институт поддерживает прочные связи с общественными организациями зарубежных российских соотечественников, активно сотрудничает с государственными структурами Российской Федерации, курирующими работу с российскими соотечественниками за рубежом.

Институт на регулярной основе проводит научно-практические конференции, экспертные круглые столы, другие общественно-значимые мероприятия, посвященные проблемам положения русского и русскоязычного населения в ближнем и дальнем зарубежье, общественно-политическим процессам на пространстве СНГ и Балтии.

Использование в работе с российскими соотечественниками за рубежом современных информационных технологий является одной из отличительных сторон деятельности Института. Организация активно работает в Интернет-пространстве, поддерживает работу информационно-аналитического портала "Россия и соотечественники" (www.russkie.org). В 2007 г. информационно-аналитический портал "Россия и соотечественники" стал лауреатом Национальной премии за вклад в развитие российского сегмента сети Интернет ("Премия Рунета"), заняв первое место в номинации "Рунет за пределами. Ру". В 2008 г. портал "Россия и соотечественники" был отмечен наградой Евразийского конкурса электронных СМИ "Гуманитарное сотрудничество во имя процветания", учрежденного Комитетом Государственной Думы ФС РФ по безопасности, Некоммерческим партнерством "ИНФОФОРУМ" при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

Тел: +7 495 718-84-11 E-mail: info@russkie.org

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Русская идентичность на постсоветском пространстве

Под ред. С.Ю. Пантелеева

Редактор Надежда Бабурова
Художник Дмитрий Зюзин
Компьютерная верстка Александр Туманов
Корректор Светлана Петрова

Подписано в набор 24.11.08.

Подписано в печать 02.12.08.

Формат 60x90/16. Бумага офсетная №1.

Печать офсетная. Гарнитура "Baltica"

Усл. печ. л. 8,75 Тираж 1 000 экз. Заказ №170.

Отпечатано в типографии ИА «ИнфоРос»

Москва, ул. Кржижановского, д. 13. стр. 2

ISBN 978-5-903675-04-3